



Мария Вородина

ДЛАНЬ
ПОКРОВИТЕЛЕЙ

Плач земли

16+

Мария Бородина

Длань Покровителей

2. Плач земли

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородина М.

Длань Покровителей 2. Плач земли / М. Бородина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Тучи сгущаются. На маленький мир Девятого Холма наступает смертельный недуг. И тайны Нери, Мии и Кантаны вот-вот раскроются. Каково это – жить, зная, что твоя судьба висит на волоске, который вот-вот лопнет? Куда прятаться, если тебя прижали к стенке? Кому доверять, когда мир вокруг рушится? Молчи, а то тебя услышат...

Пролог

3 марта 2326 года

Новая весна распахнула городу объятия. Мешковина неба истончилась и поднялась, превратившись в лазурный атлас. Едва уловимый аромат солнца зазвенел в воздухе натянутой струной. И в пении тёплого ветра, путающегося в голых кронах, и в осторожных улыбках прохожих чувствовалось пробуждение. Даже монорельсовые составы, заражаясь настроением пассажиров, гудели радостнее и протяжнее.

Зимние сны плавались вместе с тонкой ледовой коростой, затянувшей тротуары. Искусственный снег на площадях начал подтаивать, распускаясь паутиной журчащих ручейков. Март раскидал по проводам и крышам торговых центров чёрных грачей. Птицы раззадорено толкались и верещали, отвоёвывая друг у друга редкие хлебные крошки и семечки. Почки лип и берёз набухли, обозначившись на ветках замысловатыми изломами. Набухли и сердца горожан в извечной надежде, что девственные дни марта ознаменуют переход к лучшим временам. Уже к середине апреля иллюзии потеряют краски и осыплются вместе с лепестками яблоневых цветов. Но эти мгновения ложного волшебства и светлых эмоций стоили того, чтобы ждать их каждый год.

И Тео 903, вылетая из подъезда в солнечный март, тоже надеялся на лучшее. Потому что он нещадно опаздывал на работу. Как, впрочем, и всегда.

Проигнорировав сигналы капсул и миникапов, Тео стрелой пересёк проезжую часть и влился в толпу. Он лихо нырнул в проулок и вбежал на станцию метро, перекинув рюкзак через плечо. Подземелье встретило ароматом гнили, кафельными стенами с обрывками афиш и завидной гудящей пустотой. Толпа потекла дальше: допереломный транспорт не вызывал доверия у горожан. Но Тео был только рад этому. Куда приятнее ехать поутру в свободном вагоне метро, чем прессоваться в потной, вонючей толпе на монорельсе. Да и дешевле, к тому же. Временной фактор и ветхое состояние подземных тоннелей Тео, конечно же, не учитывал.

Пока старый поезд с ужасающей медлительностью полз по тёмным тоннелям, Тео придумывал отговорку для шефа. Скрыть оплошность точно не получится: чип-контроль на проходной – это не шутки. Можно, правда, попробовать сделать пару комплиментов оператору постового пункта, чтобы она зарегистрировала его, как прошедшего с неисправностью. Он уже использовал этот метод в прошлый раз, но... Обстоятельства были сильнее. Ситуация не предоставляла выбора.

К тому моменту, как поезд с присвистом затормозил на платформе и распахнул двери, Тео вытащил из памяти все трогательные и нежные слова, что знал. Повторяя про себя заученные фразы, как мантру, он вышел в прохладный стеклянный зал. Оглядевшись, поймал собственное отражение в зеркальной поверхности четырёхугольной колонны и поправил переброшенный через шею шарф. Черноволосый крепкий мужчина в отражении, повторив его жест, самодовольно ухмыльнулся. Неотразим!

Станция околдовывала торжественной пустотой. Лишь несколько случайных пассажиров – таких же безрассудных любителей метро – муравьями брели к освещённым турникетам. Улыбнувшись самому себе, Тео последовал за ними.

В очереди стоять не пришлось. Рука зависла над индикатором регистрации. Но странное предчувствие остановило его прежде, чем чип опознал. Неведомое, неподвластное рассудку чувство, словно кто-то сверлил взглядом его спину между лопатками; точно в том месте, где жирной стрелой обозначилось клеймо грязных. Будоражащее удивление, граничащее с паническим испугом. Ужасающая смесь эмоций, что заставила ноги отяжелеть, а голову – закрыться.

Тео застыл у турникета. Холод сквозняка, несущий с собой смрад сырости, ворвался в помещение, раскачав на петлях двери, и окатил его ноги. Но Тео даже не шевельнулся: внутри

было ещё холоднее. Как будто по сосудам текла не кровь, а чистый фреон. «Только не оборачивайся!» – вопил внутренний голос. И в глубине души Тео понимал, что на этот раз интуиция – столь редкая гостья в его внутреннем мире – не подводит. Воображение рисовало перед глазами чёткие картины: одна реалистичнее другой. Гроздя мимолётных иллюзий пресыщались алым и чёрным, мотивы видений напоминали сюжеты картин Босха.

Воздух над плечом покачнулся, и Тео вздрогнул, ожидая увидеть сухую когтистую ладонь монстра из бюджетных ужастиков. Но это была лишь пожилая женская особь, которой, видимо, не терпелось посетить реаниматора территориальной службы. Или какие там ещё у старушек заботы? Два затуманенных глаза требовательно уставились на Тео.

– Сына, – прочавкала бабка беззубым ртом, – ты скоро, милоч?

Гудок приближающегося состава, наконец, оживил мысли Тео и заставил-таки обернуться. Только тогда он заметил молодую женскую особь, что испуганно жалась к колонне у выхода со станции, и её взгляд. Тяжёлый янтарный взгляд ведьмы из старых сказок, от которого шёл мороз по коже.

И в фокусе был он.

– Извините, – ответил Тео бабке, нисколько не чувствуя себя виноватым. Подумав, он снова метнулся от линии турникетов к посадочным платформам. – Проходите.

Запах резины и накалённого металла ударил в нос, когда он ворвался в зал. Бабка что-то недовольно прогорланила вслед, но её речи Тео уже не слышал. Да и по боку ему было, какое впечатление он произвёл на отжившее своё горожанку. Всё внимание приковала желтоглазая незнакомка, что глазела на него, не отрывая взора. Так, словно намеренно выделила его из толпы и выбрала для важной миссии, известной ей одной.

Так, словно он был нитью, за которую она жаждала уцепиться.

Незнакомка не опустила лица и тогда, когда Тео направился к ней, шаг за шагом сокращая расстояние. Лишь веки её отяжелели, смягчив каменное выражение лица. Будто исход ситуации был ясен ей заранее, и она лишь смиренно принимала очевидное.

– Ты так смотришь, словно я убил кого-то, – пренебрежительно бросил Тео ей в лицо. Все комплименты, заготовленные для оператора пропускного пункта, улетучились, оставив в голове зудящий вакуум. Неплохое начало. По крайней мере, тарашиться во все гляделки куда неприличнее, чем сказать подобную вещь незнакомой особи.

– Мне просто... – незнакомка, наконец, соизволила открыть рот.

Лязг и дребезжание состава, сорвавшегося с места, заглушили её речь, оборвав фразу на полуслове. Судорожно вздрогнув, незнакомка вжалась в колонну. Ошалелый пристальный взгляд, наконец, оторвался от Тео и устремился в тоннель, провожая в темноту неоновый лик металлической гусеницы.

– Тебе просто что? – Тео осмелился положить ладонь на плечо незнакомки. Невесомая оранжевая ткань заструилась под пальцами, и он впервые за последние пять минут осознал: что-то не так. На фабриках Иммортеля со времён Перелома не производили натуральные ткани: эра функциональной и дешёвой синтетики взяла своё.

– Червь, – испуганно прошептала та, указывая дрожащим пальцем вслед уходящему поезду. Она не сбросила руку Тео со своего плеча. – Он проглотил людей!

– Эй, – Тео помахал ладонью перед глазами незнакомки, – ты в своём уме?

Хотя, ответ на этот вопрос Тео уже знал. Один из них явно диссоциировал, и хорошо, если этот счастливчик – красотка в оранжевом. Так и быть: он лично отведёт её в лечебницу, где ей помогут прийти в себя и вернуться в общество обновлённой и полноценной.

Но эта версия отдавала банальностью и не могла всего объяснить. Например, того, почему он физически почувствовал на себе её взгляд. Почему на незнакомке натуральная ткань? Почему она выбрала именно его в толпе, а не ту вздорную старушенцию, например? Обилие вопросов заставляло страшиться самого себя. Не исключено, что когда он зайвится в лечеб-

ницу, обнаружится, что эта женщина – всего лишь галлюцинация. Оптическая иллюзия, ознаменовавшая его дебютировавшую диссоциацию.

Почему он? Почему сейчас?..

Слишком уж много крутилось в голове этих «почему»...

Крупные каштановые локоны незнакомки затрепетали от потоков воздуха, приоткрыв аккуратную линию скул. Тео задумчиво хмыкнул: а она недурна собой! Если бы ещё голова у неё правильно работала, не упустил бы возможности завязать очередной роман. Ведь это поистине счастливый случай, когда женщина первая проявляет инициативу!

– Просто ответь мне, – барышня повернула голову и приподняла подбородок, – если я здесь, значит, Покровителям не были угодны мои деяния? Не прибежище ли это Разрушителей? Ведь черви снуют туда-сюда... И эти люди вокруг. Они странные. Слово их рассудок пленён.

О чём она вообще? Стихи что ли сочиняет? Только рифма детская какая-то: покровители-разрушители, разрушители-покровители... Ну что ж, если эта дамочка – тонкая и ранимая творческая натура, часть её заморочек можно списать на нестандартное мышление.

– Самая странная здесь ты, – Тео усмехнулся. – И откуда ты такая нарисовалась?

– Нарисовалась? – незнакомка приподняла бровь. – Я не рисую.

Сильный сигнал состава противоположной линии, вырвавшийся из жерла тёмного тоннеля, отразился от стеклянных стен. Воздух завибрировал и закачался. Короткий вскрик утонул в механическом лязге состава, заходящего на платформу. Кровь отлила от лица незнакомки, кожа замерцала зеленцой и залоснилась капельками пота. Тео показалось, что ещё мгновение, и она свалится на рельсы. Упадёт и, возможно, растворится случайной иллюзией, так и не коснувшись путей.

– Пойдём-ка на воздух, – Тео кивнул в сторону пропускной линии, – освежишься, в себя придёшь. У тебя рассудок помутился.

– Я не могу, – она пожала плечами. – Люди выходят, а меня не пускает стена. Я поэтому и смотрела на тебя. Надеюсь нужное заклинание подслушать.

Заклинание! Вы это слышали?! Запомню, бедолага, для чего нужен чип?! Видно, перечитала женского фэнтези, помешалась и теперь ждёт своего дракона. Или демона. Час от часу не легче... Но не может же быть всё так безнадежно?!

Стоп! Может быть, барышня и не при делах. Что если друзья пытаются поставить его в неловкое положение очередным глупейшим розыгрышем, как и на прошлый День Рождения?! Перспектива остаться в дураках пугала Тео больше всего. И чёрт его дёрнул обернуться и подойти к глазастой красотке!

Тео задумался, судорожно ища верное решение. Или возможность хотя бы на шаг к нему приблизиться.

– И что же мне с тобой делать прикажешь? – пробормотал он, жмурясь.

Незнакомка развернулась на пятках, снова показав Тео обескровленное лицо. Плечи её дрожали, покрывая шифоновую накидку рябью. Чужие ладони судорожно, до боли сжали пальцы, передавая долгожданное тепло. И прежде, чем Тео успел выдать очередную реплику о непонимании происходящего, умоляющий голос врезался в барабанные перепонки:

– Спаси меня.

Глава 1

Седьмая причина

1

На смену ослепительному сиянию пришла гулкая бесконечность пустых коридоров и ощущение невесомости. Непреодолимая тяга влекла тело дальше и дальше, в пьянящее жерло небытия. Стены воздушных тоннелей проминались под беспорядочно блуждающими ладонями. «Должно быть, я умер», – со сверхзвуковой скоростью пронеслось в голове. Пугаю-

щая мысль была явственной и осязаемой. С каждой секундой она укоренялась в рассудке всё крепче, вызывая тошнотворную первородную панику.

– Нери...

Показалось.

Мощный поток затянул за поворот, ухватил и погнал по узкой трубе. Невесомость вбирала в себя, растворяя в пустоте. Ужас рассыпался вереницей искр, как затухающий свечной фитиль, и сменился эйфорией и блаженством. Наверное, именно так уходят последние крупы сознания из остывающего тела. Наверное, именно так опустошается рассудок, теряя и обесценивая усвоенные истины. Безумие – это синоним экстаза.

– Нери! – уже громче. – Нери, очнись!

Знакомый голос трепетал и расслаивался на отзвуки, создавая турбулентность. Внутренняя дрожь, родившаяся от оклика, отозвалась дискомфортом в каждом уголке сознания. Он уже чувствовал подобное. Только когда?

– Нери! Пожалуйста!

Обжигающая боль ошпарила лицо. Свет ослепил, заставив зажмуриться. Кажется, он проспал целую вечность.

– Мама, – пробормотал Нери, не размыкая глаз, – уже на учёбу пора?

– Пора! – раздался в ответ бархатный грудной голос. Кажется, мать немного простудилась. Неудивительно: такой холодище вокруг! Нужно напомнить, чтобы оплатила прогрев квартиры: не август месяц на дворе. А то ведь опять забудет и придётся сидеть в ледяном плену половину декабря...

– Я встаю, – отрезал Нери. – Я такие сны видел! Сюжет, достойный твоей любимой Маргариты бб8.

Нери попытался оттолкнуться от кровати и приподняться, но под ладонями закричала бетонная крошка. Осколки вспороли кожу, и он наконец-то ощутил собственное тело. Вместе с ноющим зудом пришли головная боль и ломота в спине.

– Что за... – сорвалось с губ.

Солнечный свет пролился на лицо. Красные пятна затанцевали у переносья. Сквозь алую плену прорезались контуры полуразрушенных труб, устремлённые в небо, и верхушки сосен.

– Ну зачем, Нери? – поле зрения заслонило чёрное пятно. – Почему ты не пошёл домой?!

– Кантана?!

– Нет, презренные Разрушители, старейшина Совета, – Кантана недовольно поджала губы. – Конечно, это я. Скажи ещё, что ничего не помнишь.

Нери покачал головой. Пунктирная линия воспоминаний обрывалась под старым дубом, на ветку которого скакнула Венена. Точнее будет сказать, девушка, очень на неё похожая.

– Я бежал за... – Нери, вовремя опомнившись, проглотил слова. Рассудок начинал понемногу просыпаться, оправляясь от сладкого дурмана забытья. – За воришкой. Потом заблудился в лесу и вышел сюда. Дальше...

Воспоминания расцвели какофонией красок: так лезут через рассыревшую землю грибы после дождя. Картинки рождались стремительно, активизируя слишком много секторов мозга, и Нери понял, что вот-вот потеряет сознание от перегрузки. Но волна столь же неожиданно откатилась, не позволив захлебнуться, и оставила наедине с пустотой. Теперь можно спокойно всё пережевать, рассортировать и расставить по полочкам.

– Этот парень, – вспомнил Нери. – Мы затолкали его в портал.

Кантана молча кивнула. Ни тени сомнения не скользнуло по её расцарапанному лицу. Но хищно сощуренные глаза и складочка между бровей подсказали Нери, что исход ситуации по непонятной причине не устраивал её.

– А потом ты предложила мне пойти следом, – продолжал Нери.

– А ты как всегда сыграл в дурачка! – подытожила Кантана, хмурясь. – Глупейший поступок! Тебе такой шанс выпадал.

Слова пронесли мимо ушей. Нери был уверен: он сделал правильный выбор. Там, на той стороне, он никогда не смог бы обрести покой и избавиться от угрызений совести. Два разноцветных глаза преследовали бы его всюду, напоминая о фатальной оплошности. Понимает ли Кантана, о чём говорит? Может, у неё никогда не было друзей? Нери застонал, потеряв затылок. Нити ноющей боли вошли под кожу.

– Миа, – отозвался он.

– Да хоть кто! Как можно предпочесть заточение в чужой стихии свободе?!

– Мы вправе делать выбор, не оглядываясь на других, – согласился Нери. От яркого света закружилась голова, но запах озона вернул воспоминаниям целостность и чёткость. Он, наконец, встал с холодного бетона и принялся отряхивать одежду. – Но я не смог.

– Ты соплив и трогателен, как девочка, Нери 42! – Кантана продолжала злиться, испепеляя Нери ожесточённым взглядом.

– А сама бы ты что выбрала, – спросил Нери, искоса поглядывая на спутницу, кутающуюся в мужской плащ не по размеру, – если бы была на моём месте?

– Я? – Кантана задумалась. – Но я же не на твоём месте!

– Логичный ответ, госпожа Бессамори, – заметил Нери. – Разрешите я вам поаплодирую.

– Хватит издеваться, – буркнула Кантана.

– И ты, будь добра, не язви. И поменьше эмоций. Это не замечание, а просьба.

Кантана задрала подбородок и смело взглянула Нери в лицо. Захотелось улыбнуться, глядя на её подростковую напыщенность, и Нери не сдержал порыва. Уголки губ поползли вверх. Чувство облегчения согрело его, когда он заметил, что Кантана с инициативой подхватила его усмешку.

– А ты как здесь оказалась? – Нери пожал плечами, осматривая неприглядное место. – И что это за парень был с тобой?

– Парень как парень, – каверзный вопрос, кажется, совершенно не задел Кантану. Она лукаво стрельнула глазами, как лисица из допереломных народных сказок. – Ревнуешь, что ли?

Вопрос ударил по голове, как упавшая с неба градина. Нери опешил. Он предпочёл бы провалиться сквозь землю, нежели держать ответ. Можно, конечно, прикинуться непроходимым хамом и поинтересоваться, видела ли она себя в зеркало. Но этот намёк при всей его грубости вызовет, разве что, хохот. Кантана держится с такой статью, что просто не может сомневаться в своей неотразимости. И не пользоваться тем впечатлением, что она производит на противоположный пол, тоже не может – её последний вопрос лишний раз это доказал. Значит, выход здесь один: рвать шаблоны. Сказать нечто такое, чего она уж точно не ожидает услышать из уст смущённого мальчишки.

– А если ревную? – Нери пожал плечами, стараясь не покраснеть. Судя по горячим мурашкам, заколовшим щёки, ему это не удалось. – Что тогда?

– Тогда считай, что у меня с ним любовь, – прыснула Кантана. – Мне нравится, как ты ревнуешь. Ты становишься похожим на румяный и горячий пирожок с яблоками.

– Почему с яблоками?!

– Так не с капустой же...

– Неслыханная милость!

– Должна же я отблагодарить своего спасителя? – улыбка сошла с лица Кантаны. – Так хотя бы комплиментом.

Лёгкий ветерок просвистел над головой трелью первого мороза. Его дыхание растормошило волосы Кантаны, открыв щёки. Багровое пятно гематомы загоралось на её скуле, как отметина от калёного железа на коже преступника. Несмотря на то, что Кантана держалась молодцом и нахально отшучивалась в ответ на допрос, её негодование пронзало тело Нери мил-

лионом спиц. Её боль становилась его собственной. По жалобному взгляду чёрных глаз легко было догадаться, что оружием, поразившим её, был отнюдь не раскаленный добела металл. И даже не мужской кулак. Кантану сломило унижение.

– Когда любят – не бьют, – прошептал Нери, поглядывая на разгорающуюся метку чужого кулака. – Когда любят – разрешают дышать, и дышат вместе. Кого ты пытаешься обмануть?

– Нери, не нужно, – лицо Кантаны неожиданно переменилось. На губах обозначилась горечь тоски. – Тебе не надо знать, кто это был. Это лишь моё дело. Не твоё.

– Но он сейчас в Иммортеле, – возразил Нери, – а должен быть здесь. Ты хоть знаешь, что у нас нечипированных ловят сразу? Если его обезличат, то...

– Что бы там с ним ни сделали, поделом ему, – перебила Кантана. Ветер размазал её тихий говор по сырой земле. – Поделом.

Хилые сосны зашумели от ветра, роняя хвоинки в перину прелых листьев. Тёмные рубцы ветвей скользили по небу. Вороньё растревожило пронзительным карканьем воздух.

Перья облаков задрожали бликами в глазах Кантаны. Неловкость сковала движения Нери. Жалкой парой слов Кантана намеренно доверила ему больше, чем он просил, и он прекрасно осознавал ответственность. И готов был нести этот нелёгкий груз.

За жалкую пару минут они перешли невидимую грань, отделяющую лёгкую неприязнь от глубокой эмпатии. Осталось разгадать, кем они теперь друг другу приходится...

2

Огненное кольцо сомкнулось по периметру зала. Жадные языки взмыли под потолок, с рёвом и фырчанием выплёвывая ворохи искр. Потоки нагретого воздуха завертелись с такой мощностью, что люстры опасно закачались на цепях. Запахло гарью.

– Огонь! – выкрикнула Анацеа, ошарашенно глядя, как разгорающиеся на пустом месте языки пламени лижут мрамор и трещат под вздувшейся штукатуркой.

Миа судорожно вдыхала густое море и смотрела на свои ладони. Ничего не изменилось: те же складочки бежали по ним, бороздя прозрачную кожу. Никакого оружия Покровителей, о котором с восхищением вещала Кантана. В голове не укладывалось, что стихийное буйство вокруг – её личная заслуга. Видно, Кантана – неплохой учитель. С одной оговоркой: она показала, как начать. А кто теперь подскажет, как остановить этот бардак? Миа испуганно попятилась, не осознавая, что лишь ближе подошла к эпицентру возгорания. Её и троих членов Совета схватила огненная ловушка.

– Ты ошиблась, Анацеа, – снисходительно проговорила Старейшина, повернувшись в кресле. Казалось, что пожар нисколько её не волнует. – У Длани магия порталов. А это – всего лишь бедная девочка-стихийница, которую ты запугала до полусмерти.

– Это какая-то ошибка, – пролепетала Анацеа, – я сама видела, как она создала портал. Рискну предположить, что это деструктивный огонь хаоса!

Воспользовавшись передышкой, Миа метнулась к двери в надежде улизнуть, но тщетно. Выход отрезала плотная стена огня. Дым повалил в лицо чёрными клубами. В горле мучительно запершило, и она заслонила лицо, подавляя рвущийся наружу надсадный кашель.

Деревянная гардина над окнами дальней стены затрещала и рухнула с одного крепления, покосившись. Массивный брус подпрыгнул на полу, крошась на полыхающие щепки. Пламя побежало по жерди вверх, одеялом обнимая бархат занавесок.

– Да уж, – отметила огромная бородачка – кажется, Тиара – бесстрашно выходя на середину зала. Она вела себя слишком мило и говорила чересчур мягко для обладательницы брутальной внешности. – Это точно стихия. Ментальная магия не причиняет вреда физическому миру.

– Хватит, Миа! – прокричала Анацеа сквозь несмолкающий рёв. – Останови это!

Остановить? Хотелось бы, только как? Миа в недоумении пожала плечами. Нагретые воздушные течения закурили локоны перед лицом, дробя силуэт мучительницы.

– Я пытаюсь! – крикнула в ответ.

– Так пытайся лучше!

До чего Анацеа неприятная! Вроде бы, говорит без подвоха, но насколько задевает и ранит каждое её слово! И насколько же противно от самой себя, что её приказы хочется безропотно исполнять.

– Давай вместе сделаем это, – бородачка очутилась рядом. Её мягкий и спокойный голос едва прорезывался сквозь завесу рёва. Доброе, широкое лицо, едва проглядывающее сквозь дым, показалось очень знакомым и даже родным.

Закашлявшись в густом дыму, Миа помотала головой. Такое обращение раздражало сильнее, чем жёсткий приказной тон Анацеа. Ей не нужна нянька, отслеживающая каждый вдох. Будто она сама не понимает, что нужно делать и как.

Понимает ли?..

– Ты ведь не знаешь кода закрытия, – бородастая сощурилась, будто читая мысли. Что-то неоднозначное скользнуло в её синеглазом взгляде. Словно она знала больше, чем эти двое. – Просто повторяй за мной.

– Мне не нужна помощь! – строптиво выкрикнула Миа.

– Нужна, – твёрдо сказала бородачка, схватив её дрожащие руки. И откуда, интересно, эта госпожа знает, как довести до крайней степени раздражения?! – Нужна!

– Не нужно меня трогать! – Миа попыталась было вырваться, но чужие пальцы цепко обхватывали запястья.

– Повторяй за мной, – колдунья проникновенно посмотрела Мии в глаза, – повторяй, и пламя утихнет.

Огонь стремительно полз к центру зала, разгораясь всё сильнее. Чёрные дорожки бежали по мрамору, извиваясь нитями паутины. «Это не просто пламя, – мелькнуло в голове у Мии, – камень ведь не горит, даже ребёнок знает это!»

Анацеа в панике вжалась в колонну, не отводя выжидающего строгого взгляда. Слепая старушка по-прежнему рассиживалась во главе стола, и не думая убежать. Может быть, она считала, что её час настал? Старческий маразм, никак, накрыл? Миа поморщилась: что может быть отвратительнее смерти в огне, даже если тело уж отжило своё?! Даже одна мысль о лопающихся пузырях на коже и скверно пахнущей золе вместо ногтей может довести до умопомрачения.

– Ну? – Миа подняла взгляд на бородачку, всё ещё сжимающую её руки.

– Обрываю нити, – отчеканила та, участливо улыбнувшись. – Просто произнеси это.

– Обрываю нити, – повторила Миа, – дальше что?

Громкий треск рассёк туман. Металлическая цепь просвистела в накалённом воздухе, описав дугу прямо за спиной. Миа подпрыгнула от неожиданности и испуга. Громоздкий светильник, сорвавшись с одной из подвесок, угрожающе накренился. Пепел посыпался на пол серым дождём.

– Смысла-то, – возмущённо фыркнула Миа. – Проще смириться. Ваши Покровители, похоже, решили нас не щадить.

– Ещё раз. Прочувствуй эти слова! Так же, как ты чувствуешь стартовое заклинание. Как ключ.

– Обрываю нити! – прогундосила Миа, поддавшись на уговоры. В любом случае, терять уже нечего. Нелепость ситуации раздражала не меньше, чем прикосновения чужих рук.

Оглушительный хлопок пронёсся над залом, шлёпнув оплеухой. Внезапная тишина опьянила безмятежностью. Ревущие языки пламени исчезли столь же неожиданно, как и появились. Вместе с ними испарилась и мутная хмарь горения. Лишь потухшая люстра по-прежнему болталась на трёх цепях, сиротливо свешивая четвёртую вниз, да обугленная гардина с обрывками штор упиралась в пол.

Миа задрожала от изумления. Не верилось в то, что бушующая стихия развернулась и остановилась волей её разума. Может быть, она спит, и в силах управлять этой реальностью мыслями? Стоит попробовать. Можно даже на Нери.

– Неплохо, – по-прежнему безмятежная, как снежное поле, старушка хлопнула в ладоши. – Весьма недурная стихийница, Анацеа. Талантливая девочка. Но не Длань.

– Старейшина Шандрис, клянусь памятью предков, я сама видела, как Миа открыла портал! – Анацеа всплеснула руками. Миа впервые видела её такой эмоциональной и возбуждённой. – Зачем мне врать Вам?

Старейшина хмыкнула, почесав острый подбородок. Морщинистая кожа на её щеках натянулась, став почти прозрачной.

– Ты открывала портал, Миа? – Шандрис повернула голову. Мии показалось, что невидящие глаза сжигают её тело.

– Открывала, – произнесла Миа уверенно. Выбора перед ней не стоял: для них у неё один ответ. Дать иной означало подвести под трибунал и себя, и Кантану. И Нери до кучи. И почему-то последнего хотелось меньше всего.

– Но как такое возможно? – поинтересовалась старейшина Шандрис. – Ни одна женщина не может обладать двумя потоками. Если тебе дана стихийная магия огня, значит, не дано ничего иного. Может, ты сама знаешь ответ?

– Я не знаю, – Миа старалась говорить твёрдо, – и хотела спросить об этом сегодня у вас, самых мудрых и просвещённых жительниц Девятого Холма. Я ведь ещё юна, к тому же, меня никто никогда не обучал. Я понятия не имею, откуда берёт начало моя сила.

– Может, попытаешься ещё раз? – Анацеа надменно сверкнула янтарями глаз. – Покажи им, Миа!

Миа отпрянула. Мысль о том, что придётся выжимать из себя магию ещё раз, доводила до беспросветного отчаяния. Желтоглазый взгляд парализовал её, сделав тряпичной куклой. Несмотря на то, что она успела возненавидеть Анацеа всеми фибрами души, не подчиняться её словам не получалось. Было в этих интонациях что-то магнетическое, гипнотизирующее. Твёрдость, непоколебимость и уверенность, которых так не хватало Мии. Это восхищало и пугало одновременно.

– Не стоит, – бородачка беспомощно обвела взглядом зал. – Это опасно. Посмотри, что она натворила. Нужно дать ей хотя бы первичные навыки контроля, прежде чем испытывать её мощь снова.

– Я считаю, это необходимо, чтобы прояснить ситуацию! – возразила Анацеа.

– Оставь в покое бедную девочку, Анацеа, – бородачка прижала Мию к себе, вызвав стойкий порыв отвращения. Однако от неё приятно пахло сандалом и дыней, и Миа не торопилась вырываться. Аромат показался очень знакомым, словно она уже вдыхала его раньше. – Что если она нам сейчас дыру на Первый Холм сделает и не сможет закрыть? Ты её напугала. Не видишь сама?

– Миа ведь живёт в твоём доме, Анацеа, – промямлила Шандрис. – Ты сможешь наблюдать за развитием её способностей и докладывать об этом Совету. Даже если девочка не Длань, для талантливой стихийницы место у нас всегда найдётся. Что ты думаешь по этому поводу, Миа?

– Я не отказалась бы немного перекусить, – лягнула Миа, вызвав смех бородачки. – И ещё вздремнуть.

«А ещё я не отказалась бы выколоть глаза госпоже Бессамори, – продолжила мысль, – чтобы она не смотрела на меня, как на дохлую лошадь. Пусть ходит с красивой кружевной повязочкой, как Старейшина. А то от этого кошачьего взгляда возникает чувство, будто она хочет съесть меня на ужин. Интересно, ест ли она дохлых лошадей?»

Миа вовремя сообразила захлопнуть рот. Зубы клацнули друг о друга.

– Другого выхода нет, – поддержала Шандрис бородатая.

Анацеа разочарованно ссутулилась. Миа догадывалась, что прародительница клана Бессамори ожидала от встречи иного результата. Какого – оставалось только догадываться. Может быть, догадки придут в сегодняшних кошмарных снах.

– Анацеа, – Шандрис деловито склонилась над столом, – позаботься о том, чтобы твоя подопечная хорошо ела и отдыхала. Способности отнимают много сил, а девочка ещё совсем ребёнок.

– Я не оставлю её, – Анацеа подозрительно отвела взор и сжала губы так, что они побелели. Миа не догадывалась, о чём говорит выражение её лица, но точно понимала, что не вызывает симпатии у старшей Бессамори.

Впрочем, чувства Анацеа были взаимны.

Пепел, раскиданный вдоль стен, охватывал некогда белокаменное помещение траурной рамкой. Казалось, что в окно только что влетел снаряд и разорвался, подпалив всё, что горит. Миа смотрела на разрушения, причинённые огнём, и тихо изумлялась сама себе. Знала ли она раньше, что от её взора скрыто множество тайных возможностей?

Она никогда не понимала, как сильна на самом деле. И никогда не позволяла себе осознать это.

3

Тошнота свилась в животе ядовитой змеёй. Скользкий хвост с размаху ударил по диафрагме. Кислый привкус наполнил рот, и Кантана напряжённо сглотнула. Не оберёшься позора, если гадкий недуг скрутит при парне!

– Поделом, – прошептала она сухими губами, и мурашки запрыгали на плечах.

Нери поднял голову туда, где острые пики сосен утыкались в небо, и обхватил себя за плечи. Его бледные ладони выделялись на чёрном шёлке, как морские звёзды, выброшенные на чёрный песок Пропasti. Замёрз, бедолага! Эта рубашка слишком тонка, чтобы спасти от леденящего межсезонья. К тому же, он и крови потерял достаточно, не успев восстановиться после баталии. Нужно скорее выбраться в город. Или хотя бы на дорогу, что тянется вдоль полей: там можно будет сесть на колесницу и добраться до самого дома. Если Нери простынет и подхватит лёгочную, будет не до смеха. Одним Покровителям известно, насколько хорошо сопротивляется недугам его тело... Но видят ли Покровители людей, которые пришли с той стороны?

Не время думать о смысле жизни и устройстве мира.

– Может, вернуть тебе плащ? – необдуманно бросила Кантана.

Треклятые Разрушители, и почему этот дерзкий мальчишка засел в голове?! Надобно оставить эти мысли: они не принесут пользы ни Нери, ни, тем более, ей. Сляжет с лёгочной, так сляжет. Значит, таково решение Покровителей. Одной проблемой станет меньше.

Нери помотал головой, настороженно поглядывая на Кантану. В двух серых омутах искрами плескалось недосказанное. Они все так смотрят, когда их мучает вопрос жизни: быть или не быть. Доверять или не доверять. Рыцари из сказаний давно отдали жизни за дочерей: вот поэтому девушкам и приходится без конца проявлять инициативу! Пытаясь подать знак, Кантана беззвучно кивнула.

– Он ничего плохого с тобой не сделал, Кантана? – несмело пробормотал Нери, получив разрешение. – Я имею в виду что-то, чего ты не хотела. Только честно. Это останется между нами.

Ах, лучше бы он этого не спрашивал!

Очередной приступ тошноты раскатился по животу. Казалось, что внутри начал извергаться вулкан, изрыгая фонтаны лавы. Дело не терпит: нужно срочно искать выход из положения! Кантана поглубже вдохнула воздух, пахнувший пылью и хвоей. На миг стало легче: лава остыла и покатила медленнее.

– Надо уходить, – выпалила она, стараясь отвлечь внимание. – Мне нужно быть в Наставне. Если я не сдам контрольные, мне влетит. А ещё в одиннадцать часов приедет посыльный с продуктами, нужно принять у него корзины. И убраться в комнате, пока мама с Мией на Совете. И помочь Зейдане с обедом!

– Прости, – Нери разочарованно опустил взор. – Не переживай ты так. Одиннадцать уже есть. Так что, торопиться нам некуда.

– Тем более, – Кантана энергично затопала. – Я должна всё успеть, пока мама не вернулась!

– Успеется, – Нери махнул рукой. – Не хочешь отвечать – не отвечай. Только не заговаривай мне зубы всякой ерундой. Это выглядит смешно и глупо.

Ах, беспардонный упрямец! Это талант – ковыряться раскалённым прутом в свежей ране! Пусть продолжает, всё равно увидит в ответ лишь тёплую, как солнце второго сезона, улыбку. Чувствовать собственную боль – лишь её привилегия. Это её личная жизнь, и пускать туда кого-либо или нет решать только ей, Кантане Бессамори!

– Да зачем ты вообще об этом спросил?! – она пыталась перебороть негодование.

– Я беспокоюсь, – ответил Нери с прежней неуверенностью в голосе. На его щеках снова расцвели розовые пятна. – Я правда не хотел тебя задеть.

– Нет, ты просто решил надо мной посмеяться, так?! – удержать на лице улыбку не получилось. – Самоутвердиться за мой счёт?! Нери, ты – жалкий неудачник!

Глаза Нери округлились и болезненно заблестели. По дёргающимся уголкам его рта Кантана догадалась, что ответный удар попал в цель и поразил его в сердце.

– Я не жалкий, – возразил Нери. – Хотя бы потому, что не залепил тебе в скулу и не лапал тебя, как некоторые.

– Ты жалкий! – разъярилась Кантана. – Ты видел, что ранишь меня словами, но продолжал гнуть свою линию! Так только последние слабаки делают!

– Спасибо, – отрезал Нери, отходя назад. – Вот ты и ответила на мой вопрос.

– Неудачник!

Звуки застыли на губах, как лёд на лужах в середине первого сезона. Неловкость вскружила голову, и в живот снова ударил непереносимый спазм. Желудок сжался, наполнив рот кислотой. Не вовремя она ввязалась в спор. Да что там говорить – это рок, определённый Покровителями: вечно всё делать не тогда, когда нужно.

Ярость с поразительной скоростью испарилась, как капли воды под раскалённым утюгом. Жалкий неудачник теперь совсем не волновал, как и то, что он может о ней подумать. Забыв обо всём на свете, она метнулась туда, где щётка соснового леса смыкалась с обрубком стены, оставляя небольшой разрыв.

– Постой! – ударил в спину умоляющий голос Нери, но Кантана, опьянённая болью спазма, уже не понимала смысла, вложенного в слова. Треклятые Разрушители, неужели обалдуй не видит, что ей плохо!

Во рту скопилась тягучая слюна. Тень сосен проглотила её, надёжно спрятав силуэт от любопытных глаз. Рвотные позывы атаковали желудок, едва Кантана нырнула за барьер полуразрушенной стены. Наспех сорвав воротничок из агатовых бусин, опустилась на колени.

Кожу всё ещё саднило от нежеланных прикосновений мозолистых рук. Боль в груди, стихая, переходила в омерзительные судороги, стреляющие по мышцам. Когда первый спазм сдавил горло, выдавив съеденный завтрак на бетон, глаза затуманила влажная плёнка. Кислый запах ударил в нос, порождая ещё большее отвращение.

– Кантана! – знакомый голос прорвался сквозь сжатый воздух.

Мир вокруг задрожал, преломляясь в сферах слезинок. Кантана глубоко вдохнула, пытаясь остановить губительные позывы. Влажный всхлип вырвался из горла. Она знала: причиной была отнюдь не испорченная пища. Это – протест её души: громкий, вопиющий, подминаю-

щий под себя не только тело, но и целый мир. Жаль, что не получится вырвать грязные воспоминания, как клочок волос. И вспороть капсулу негодования, увы, будет не так просто, как вскрыть застарелый нарыв.

– Кантана, может, хватит? – уже ближе.

И шаги, шуршащие по бетону... Только не это! Конечно же, он тащится сюда! Прямым курсом! Ну почему Покровители не даровали Нери мудрости, чтобы оставить её в одиночестве на несколько минут?! Нельзя отрицать, что порой он слишком умён. Но куда чаще – чересчур глуп!

– Уйди из моей головы, – прошептала Кантана, отплёвываясь. – Уйди из моей жизни. Почтенные Покровители, я не желаю занимать мысли им...

Головокружение смяло обломки кирпича, мусор и сухие ветки, закрутив цветной спиралью калейдоскопа. Первородный, интимный ужас поднялся по плечам, обхватив воротником шею. Нет, не Гая она просила вырвать из головы – ему никогда не было там места – а совсем другого юношу. Жалкого неудачника. От этого подсознательного откровения стало ещё страшнее.

Кучерявая проволока иссохшей жимолости царапала плащ. Остывший бетон охлаждал ноги сквозь разодранные чулки. Кантана обхватывала живот в надежде остановить рвоту, но желудок выворачивался наизнанку снова и снова. Спазм встал поперёк горла, как рыбная кость: в желудке осталась лишь сжатая пустота.

Пытаясь успокоиться и уравновесить эмоции, Кантана заслонила лицо воротником плаща, и тут же пожалела об этом. Рвота отступила, но нос зачесался от едва уловимого запаха жалкого неудачника. Тонкой мускусной ноты оказалось достаточно, чтобы облик Нери снова всплыл в памяти. И, хотя до чувства влюблённости, и даже глубокой симпатии, было ещё очень далеко, сей признак не мог расцениваться, как благоприятный. Каждый раз, когда рассудок будоражили мысли о Нери, вспоминались солнечные дни в Наставне в середине второго сезона и глуповатый смех Сасси. «И почему я всё время думаю о Гае? – как бы невзначай говорила Сасси подругам, когда её компания попадалась навстречу Кантане и Тилен. – Должно быть, Покровители показывают мне правильную дорогу в будущее!» Потом Сасси непременно останавливалась рядом с Кантаной и, манерно накручивая русский локон на пальчик, вопрошала: «А ты, Бессамори, о ком из мальчиков думаешь? Лучше уж не думай вообще: доведёшь себя до грехопадения!»

Идеальный выход – не думать вообще... Единственный ценный совет, который дала Сасси за все десять лет совместного посещения Наставни. Каждый раз, когда в жизни и в голове творилась абсолютная неразбериха, Кантана просто отключала мысли, выгоняя непотребное из чертог разума. И сразу становилось легко. Но не в этот раз.

– Кантана! – голос Нери прогремел совсем близко. – Ну, прости меня, прости если сможешь.

Пошатнувшись, Кантана распрямила ноги. Колени надсадно хрустнули. Кожа засверкала свежим багрянцем ссадин сквозь дыры в чулках. Раскачиваясь от слабости, Кантана нащупала ободранной ладонью ветхую стену. Не хватало ещё свалиться навзничь: вот смеху-то будет! Пересиливая недомогание, она прикрыла место преступления сухими ветками и отошла на добрый десяток шагов. И очень вовремя. Из прогала в стене вынырнула знакомая голова.

– Вот ты где, – лицо Нери по-прежнему не выражало ничего, кроме сводящего с ума равнодушия. – Я испугался, что ты меня одного кинуть решила.

– Не надейся даже, – Кантана отвернулась, стараясь скрыть бледность. На губах застыл кисловато-горький привкус рвоты. – Я могу ненавидеть тебя всеми фибрами души, но довести тебя до дома – дело чести. Мы должны успеть к визиту посыльного: если я провороню продукты, достанется от матери.

– Очень нелогичная ложь, – заметил Нери. – В одиннадцать ты должна быть на учёбе.

Кантана опустила голову. В глаза бросились ссохшиеся корки крови, сияющие сквозь разодранные чулки, и она поспешно отпустила подол, прикрывая ссадины. Слишком уж многое предстояло забыть. Бордовое лицо Гая, искажённое жаждой возмездия, боль обиды и унижения, треск шнуровки корсета, рвоту отвращения, которую невозможно обуздать. И самое главное – будоражащий запах неудачника и всплеск расцветающих в воображении образов, порождённых им. Запах дома, но не того, в который она ежедневно возвращалась. Другого. Плащ Нери пахнул ненастигнутой целью, в поиске которой она долгие годы металась по углам. Неуловимой, ускользающей синей птицей. Первозданным покоем, безмятежностью, равновесием. Недостающей частью её мозаики.

– Прости меня, – неожиданно повторил Нери. Он ёжился от холода. – Я не знал, что мои слова так сильно заденут тебя.

«Хватит об этом!» – хотела прокричать Кантана. Ярость рождалась внутри рывками, словно лава, всплесками вырывающаяся из трещин земной поверхности, но она терпеливо тушила губительные порывы. Достаточно уже слабин на сегодня! Кантане Бессамори давно пора воскреснуть.

– И ты меня прости, – улыбнулась, удивляясь, как легко удалось надеть маску.

– Мне – не за что, – Нери насуплено отвернулся. – Ты ведь права. Как бы мне ни хотелось этого признавать, по всем параметрам я – слабак и неудачник. Только такой, как я, может выпасть из собственного мира.

– Зато ты похож на подрумяненный яблочный пирог, – отметила Кантана, желая хоть как-то разрядить обстановку. – И...

«И столь же вкусно пахнешь», – хотела добавить она, но сдержалась. Не хватало ещё превратно понятых слов, которые могут расцениваться, как намёки.

Сухое, вкрадчивое шуршание веток прервало её размышления. К звуку примешался лёгкий скрежет коготков по бетону. Странно: здесь редко бывают люди. С чего бы крысам бегать: поживиться-то нечем.

– Глянь-ка! – Нери изумлённо уставился в пространство за её спиной. Кончик пальца подрагивал, перемещаясь по воздуху вслед за неизвестной целью.

Кантана обернулась, с отвращением облизывая растрескавшиеся от кислоты губы. Пришлось прислониться к замшелым щербинам стены, дабы побороть головокружение.

По бетонному парапету семенил, постукивая коготками, жирный одноглазый хорёк с лоснящейся шкуркой. Несмотря на огромные габариты, в движениях животного чувствовалась грация.

– Хорь как хорь, – сорвалось с губ Кантаны. – В наших лесах полно таких водится. Неужели ты...

Фраза оборвалась лопнувшим тросом, интонации голоса скатились в полушёпот. И тому была причина. Незванный меховой гость ловко ухватил ртом забытый на парапете воротничок Кантаны и резко изменил курс, ринувшись в поросль иссохшей жимолости.

4

Дорога от Храма Вершителей, часть которого была отведена для нужд Совета, до особняка Бессамори показалась Мии вечностью. Стены повозки не спасали от холода. Каждый раз, когда колёса попадали в дорожные выбоины, а деревья за окнами подпрыгивали, размазываясь феерией красок, внутренности переворачивались, а сердце заходило залпами пулемёта. Миа старалась не встречаться взглядом с Анацеа, что сидела напротив. Впрочем, прародительница клана, словно читая её мысли, и не лезла в разговор. Лишь один раз спросила, не нужен ли ей бушлат, чтобы согреться.

Когда повозка, наконец, остановилась, и возница учтиво распахнул двери, Миа почувствовала несказанное облегчение. Позволив госпоже Бессамори выбраться первой, она с готов-

ностью протянула вознице ладонь. В Иммортеле подобный жест сочли бы вопиющей дерзостью, но как же приятно было предаваться запретному, находясь на чужой территории.

Впрочем, пейзаж перед глазами уже казался родным. Ивы высывали облетевшие шевелюры из-за кованой ограды. Треугольная крыша с мансардой, увитая сетью плюща, как и прежде ехидно шурила окна. Последние осенние цветы пестрели в клумбах, прикрывая чернь голой земли. Даже скрип распаивающейся калитки, казалось, был знаком с детства.

– Иди в дом, Миа, – пробормотала Анацеа побледневшими от холода губами. – Ты, должно быть, голодна.

– Я прогуляюсь в саду, – возразила Миа. Меньше всего хотелось оставаться в пустом доме наедине с Анацеа. – Мне нужно многое осмыслить и переварить.

– Я понимаю, – произнесла Анацеа. Но твёрдая интонация её голоса говорила совершенно иное. – Не простудись и не задерживайся долго. Здешние межсезонья славны холодами.

– Я постараюсь.

– Не вздумай испытывать свою силу здесь, – Анацеа властно сжала губы. – Кажется, вчера я научила тебя слишком многому.

Не найдя нужного ответа, Миа засемила прочь. Оправдываться перед Анацеа, выпрашивая законное право на прогулку, не хотелось.

Сзади хлопнула дверь особняка. Вот и чудесно: пусть госпожа Бессамори отдохнёт немного. Подобрав подол платья, Миа вторглась в поросли кустарника. Протоптанная тропа чёрной змеей извивалась меж клумб, пестря пятнами облетевших листьев. Солнце лениво вошло в зенит, сделав тени круглыми и убористыми. Розоватые лоскуты неба повисли на изломах веток.

Интересно, холодна ли здесь зима? Выпадает ли к середине декабря снег, как до Перелома?

Сапожки вспарывали густую слякоть, оставляя ямы следов. Голову переполняли вопросы и догадки, распирая виски. Тяжело чувствовать себя частью реальности, когда всё, о чём ты раньше мог лишь грезить, осуществляется. Ещё неделю назад она была слабой и немощной, боялась даже шаг ступить за порог квартиры. И даже дома Миа шарахалась от каждой тени, а просыпаясь по ночам от кошмарных снов, просила маму посидеть рядом. Сегодня же в её руках – мощнейшая разрушительная сила, как награда за пережитое. Если бы она только знала о своих скрытых талантах семь месяцев назад...

Впрочем, Миа свыклась с гипотетической мыслью о том, что окружающий мир может выпадать за грань её понимания, ещё позавчера. Когда не заметила на ночном небе Фаты.

Машины вазонов с пучками запоздалых цветов уплыли назад. Трава поредела, уступив место неровным земляным проплешинам. Ивы сменились плодовыми деревьями. Покорёженные ветки яблонь походили на растопыренные пальцы, искривлённые артритом. Остатки плодов всё ещё гнили на земле, покрывшись белыми точками плесени.

Именно здесь Миа и хотела провести следующий час. Среди яблоневых деревьев прятались сладостный комфорт и спокойствие – именно то, что было необходимо ей, как воздух. Миа, остановившись на секунду, попыталась вдохнуть эту блаженную безмятежность.

Но желание расслабиться по-прежнему осталось лишь желанием. Тонкая струна завибрировала под ложечкой, натянуто звеня. Накрыло чувство постороннего присутствия. Неужели Анацеа дала ей иллюзию освобождения, чтобы немедленно ринуться следом?! Вот менторша!

Остановившись посередине круглой поляны – как раз на том месте, с которого они с Нери созерцали звёздное небо – Миа осмотрелась. Тишина, повисшая кисеей меж проплесневелых стволов, была вязкой и осязаемой. Бледно-розовый румянец небес оттенял рассыпчатую горечь чернозёма. Лишь пустота, наполненная горестью увядания, брезжила в просветах между деревьями. Ни души.

– Успокойся, – прошептала Миа. – Ты сама придумываешь себе проблемы. Всё давно прошло. Ты в безопасности.

Так всегда говорил ей Азазель. И Мии очень не хватало сейчас простых и незатейливых слов поддержки. Она искренне надеялась, что пластиковый друг, коротающий время в наплечном мешке, подхватит бодряю речь, оживая. Но чуда не произошло. Азазель молчал. На Девятом Холме лучший друг существовал лишь в ипостаси бесполезной пластиковой безделушки. Не более того.

– Вот мрак, – коротко прокомментировала Миа, спускаясь с высокой поляны на тропку. Стайка мелких бежевых птиц, напуганная визитом, взвилась в небеса. Тишину пропорол хорошей свист, полный скрытой тревоги.

Шорох прелой листвы заставил вскинуть голову. Едва уловимое движение всколыхнуло осенний воздух. Предчувствие не обмануло. Тёмная фигура маятником метнулась между стволами, уносясь глубже в сад.

Всего лишь мальчик-садовник. Нефилим, или как там его... Жертва науки, в общем. Только с чего бы ему прятаться? Знает ведь, что в особняке гости! Миа вспомнила холодное розовое утро, плёнку измороси на подмёрзшем стекле и его взгляд... Взгляд, которым не смотрят на незнакомцев.

Неужели маленький нахал наблюдал за ней?

– Эй, ты! – окликнула Миа, судорожно вспоминая имя нефилима. Вроде, оно созвучно с кличкой её пластикового дружка. – Постой! Остановись ты, наконец!

Чёрная спина с двумя треугольными отростками продолжала отдаляться. Крылатый волочил за собой грабли, оставляя на холсте голой почвы дуги.

– Азазель! – крикнула Миа ещё громче. Пронзительный звук её голоса заставил воздух завибрировать. – Азазель, стой!

Она была уверена, что на этот раз послание достигнет адресата. И оказалась права.

Тёмный силуэт застыл у торца веранды. Руки разомкнулись, выпустив грабли. Толстый черенок с чавканьем упал в грязь. Инструмент выставил замызганные зубья в небо, словно ухмыляясь мрачной поре увядания.

Плечи незнакомца вздрогнули под холщовой курткой.

5

Полированные агаты жалобно застучали о бетон, заглушая шуршание твёрдых коготков. Блики побежали по граням камушков, когда хорёк потащил добычу в кусты.

Кантана покосилась на Нери, словно спрашивая совета. А он лишь развёл руками и беззлбно усмехнулся. Засохшая кровь по-прежнему горела багряным пятном у него под носом. Семенящий вразвалочку зверёк с тяжёлой добычей выглядел потешно, только вот Кантане было не до веселья. Своё терять она не собиралась.

– Ах ты, маленький поганец! – она метнулась вперёд, надеясь поймать зверька, но едва не запуталась в оборках юбки. Пытаясь удержать равновесие, раскинула руки и зашаталась. Чужаку издали могло показаться, что она идёт на взлёт с разбегу, словно переевшая чайка.

Хорь, услышав возню, прижался к земле. Упускать ценную добычу не входило в его планы. Зверёк покрался дальше, волоча за собой непосильный груз. Как во сне Кантана приметил, что густая шкурка воришки извалялась в бетонной пыли.

– Стой, Кантана, – Нери нахмурился.

– Ты что, не видишь?! – прокричала Кантана возмущённо. Эхо её голоса взмыло вверх по лестницам полуразрушенных стен. – У него мой воротник!

– Ты после всего этого ещё о каких-то воротниках думаешь?

– Ты хоть знаешь ему цену?!

Нери укоризненно всплеснул руками, и Кантана точно знала, что он хочет сказать этим бесцеремонным жестом. Это – горький упрёк за мелочность. Как он не поймёт, что борьба за то, что по праву принадлежит тебе – дело принципа?! Только слабаки отдают своё без колебаний.

– Он так тебе нужен?

– Да, треклятые Разрушители! – воскликнула Кантана. – Мне его мама вышила! Что я ей скажу?!

– Смотри, как нужно, – наклонившись, Нери поднял с земли острый осколок бетона. Камень размером с перепелиное яйцо оставил на его ладони грязный след. Кантана даже не успела сообразить, в чём суть его затеи, иначе она быстро бы её пресекла. Но рассудок после пережитого никак не желал просыпаться.

– Что ты задумал? – только и смогла вымолвить она.

– Учись, Кантана, – рука Нери описала в воздухе грациозный полукруг, и камушек, вырвавшись из его кулака, засвистел, разрывая пространство.

– Да неужели... – выдохнула Кантана с ужасом.

Камень с громким шелестом ворвался в переплетения ветвей кустарника, следуя намеченным курсом. Спустя долю секунды, бетонный шарик с влажным чавканьем врезался хорьку в бок. Животное издало неопределённый звук и повалилось на спину, вскинув лапки. Челюсти хорька разжались, выпуская ленту воротничка.

– Ну ты и живодёр, – выдохнула Кантана.

– Это тебе приспичило вернуть чёртов воротник, а не мне, – Нери пожал плечом. – Хватит уже самой себе противоречить.

– Не такой ценой, Нери, – Кантана с осуждением покачала головой. – Это живая тварь, порождение Покровителей. Какое право ты имел...

Нери раздосадованно развёл руками. Выражение лица его говорило о том, что он сполна проникся противоречивыми и размытыми желаниями Кантаны.

– Определись уже, что тебе нужно! – он рванул к кустам и раздвинул колючие ветви. Чёрные искры агатовых бусин заиграли у него на ладони. – И возьми уже свой аксессуар.

– Жалкий убийца беззащитных хорьков, – промямлила Кантана, всё ещё не отходя от оцепенения.

Перед глазами замелькала спина Нери. Он склонился над поверженным соперником и с опаской приблизил к тельцу ладонь.

– Жив воришка. Видно, специально обучен для краж: притворяется мёртвым. Но сердце бьётся.

– Благодарю Покровителей, что не стал убийцей!

– Выбирай выражения, – отрезал Нери. – Если бы я хотел его убить, я целился бы в голову.

– Уверена, что ты туда и метил! – Кантана вырвала у Нери обшлюявленный воротничок и, присев на корточки, принялась вытирать его сухими листьями. Отверщение играло палитрой оттенков на её лице. – Просто промазал. Ты жестокий и бессердечный!

– Я просто очень меткий, – заметил Нери.

– Нет, только бессердечные поступают так, – Кантана ожесточённо вытирала с агатов пыль, – кидают камни в беззащитное создание.

Сдавленно промолчав, Нери вытащил хорька из плена жимолости. Кантана с удовольствием наблюдала, как сухие ветки чертят на его кистях кровавые полосы. Зверёк очнулся, едва ощутив прикосновение, и задёргал лапками.

– Видала? – фыркнул Нери, опустив проказника-воришку на бетон. – А теперь пусть бежит.

Но хорёк и не думал улепётывать. Подняв грязную мордочку, он уставился единственным глазом на Нери. Будто бы желал отмщения, но прекрасно осознавал, на чьей стороне перевес.

Богатая шкурка горделиво лоснилась в солнечных лучах: даже с проплешинами бетонной пыли она выглядела роскошно.

– Даже он знает, что ты ничего не чувствуешь, – высказалась Кантана.

– Повтори-ка ещё раз, – процедил Нери с вальяжным холодком.

– Я же права, да? – азарт обуял Кантану, когда она осознала, что её слова прошлись точно по сердцу Нери.

– Нет, – отрезал Нери. – Ты не права. Ты слепа.

Кантана взяла хорька и прижала к себе. Зверёк даже не думал сопротивляться: мелко засеменяв лапками, он выскользнул из ладоней и с готовностью взобрался ей на плечо.

– Ты слепа, Кантана, – продолжал Нери. – Если бы я ничего не чувствовал, я не бросился бы спасать тебя от хама, что лапал тебя.

Ответная пуля прилетела в самую цель! Кантана напряжённо засопела. Может, стоит прекратить это глупое противостояние? Всё равно они лишь ковыряют друг другу раны, выдавливая дурную кровь.

– Это было опрометчиво, – Кантана как всегда противоречила своему внутреннему разуму, – рваться в бой с сильным соперником, будучи никчёмным слабаком! Да если бы не я...

Кантана замолчала, представив, что произошло бы, не окажись Нери рядом в нужное время. Тело вспомнило мучительное ощущение удушья, оттенённое ледяными вздохами Смерти. Вновь, с первозданной свежестью и трепетом воскресало чувство благодарности к Покровителям, когда знакомая фигура, пошатываясь, обозначилась на горизонте. Каким сладким и желанным был первый глоток воздуха!

Какими бы тягостными ни были попытки отрицать очевидное, факт оставался фактом. Нери вытащил её за шкурку из небытия. Он подарил ей жизнь и второй день рождения. Только вместо благодарности в груди клокотало негодование. Потому что то, что Нери её спас, явно показывало, кто из них сильнее.

– Смелость быть искренним – настоящее достоинство, – Нери не без ехидства усмехнулся. – Хорошо, что ты честна со мной, Кантана Бессамори. Можешь лить на меня грязь и дальше. Но, смею заметить, сейчас у нас общая цель. Выбраться. Почему бы не оказать друг другу поддержку в её достижении? Когда решим проблему, продолжим лаяться.

Кантана удручённо вздохнула. Хорёк щекотал мордочкой её шею.

– Ладно, – проямлила она недовольно. – Пошли.

Нери помог Кантане выбраться из узкого лаза между стеной и сосновым стволом. Это почти разбудило её чувство благодарности вновь: слабость всё ещё напоминала о себе приступами головокружения. Кантана едва не запуталась в рваной юбке, спускаясь с парапета: теперь ей казалось удивительным, как она преодолела эту полосу препятствий в секунды. Хорёк так и не спускался с плеча, обхватывая шею меховым воротником.

– Куда теперь? – Нери оглядел недавнее поле боя. Теперь ничто не напоминало о произошедшем. Лишь едва заметные издали пятнышки крови горели на серой поверхности бетона, как раскиданные ветром рябиновые ягоды.

– Туда, откуда и пришли, – пожала плечом Кантана. – Через лес бежит дорога для колесницы: убогая, но различимая. Пойдём по следам колёс и точно выйдем в город.

– Долго придётся идти? – поинтересовался Нери.

Резкий порыв ветра ударил под дых, заставив обхватить живот. Растревоженные сосны угрюмо зашумели, вторя голосу. Изумруд иголок дождём полетел под ноги. Отдышавшись, Кантана подняла подбородок и поймала усталое, обескровленное лицо Нери. Он слишком слаб для приключений. Как и она сама.

– Ну, – Кантана неловко улыбнулась, – думаю, мы выдержим.

– Не выдержите, – раздался за их спинами третий голос: незнакомый, – если не вернёте мне моего друга. Я об этом позабочусь.

6

Яблоневые кроны сетью смыкались над головой и убегали назад. Тени размазывались по земле, как пятна акварели. Подобрав юбку, Миа неуклюже пробиралась между стволами к веранде. Не оставалось сомнений: парень услышал её.

Замшелые стволы сошлись за спиной, выпустив Мию на открытое пространство перед верандой. Высокие окна отразили её силуэт, и снова вспомнились фарфоровые куколки из комнаты Кантаны. Трава не росла здесь, лишь глинистая плешь смотрела в небо. Видимо, участок предназначался для засева.

– Азазель? – утопая по шиколотку в грязи, Миа приблизилась.

Широкая спина с треугольниками отростков дёрнулась. Нефилим, как ни в чём не бывало, наклонился и подобрал с земли грабли. Острые металлические зубья вгрызлись во влажную почву.

Не иначе, как намеренно игнорирует. Это интересно. Более чем.

– Азазель? – повторила Миа озадаченно. Эхо подхватило её слова, валуном прогнав их по склонам сада.

– Так значит, – нефилим, наконец, обернулся и поднял игриво искрящиеся глаза, – ты всё-таки поняла? Поделишься секретом пронизательности?

Какой он странный. К чему эти спонтанные фразы? Одно из двух: либо учёные не предусмотрели в данной биологической конструкции мозга, либо даже нефилимы в зашоренном и убогом мирке знают про древнее искусство пикапа.

– Хм, и что я должна была понять? – фыркнула Миа, намеренно поддаваясь на провокацию. – Причину того, почему ты носишься за мной и подглядываешь?

Солнце заиграло в волосах нефилима. Несмотря на то, что кожа его отличалась идеальной шёлковой гладкостью, тон имел нездоровый голубоватый отлив.

– Ну... – он замаялся. – Я... Да, в общем, это я так просто. Думаю вслух. И... на ходу. В движении очень хорошо мыслится, Миа.

– Ты, должно быть, так много думаешь, что даже соображения в кучу собрать не можешь, – Миа едко усмехнулась, сопоставляя факты. – И тебе на ум внезапно приходят имена незнакомых людей. Я права?

– Кантана произносила твоё имя, – нашёлся нефилим, – а я запомнил.

– Видно, у нефилимов хорошая память, – покачала головой Миа.

– А как же, – он почему-то отвёл взор. – Жертва генетической инженерии, всё-таки.

Нелепость происходящего не укладывалась в голове. «Сплю я или нет?» – вопрошала Миа мысленно, но не получала ответа ни от рассудка, ни от подсознания. Мир перед глазами заплясал, словно её раскручивала старая карусель, и Миа на всякий случай попятилась.

– Ты знаешь про генетическую инженерию? – изумилась она. – Откуда, Азазель? Небось, фолианты запрещённые почитываешь?

– Азаэль, – поправил нефилим. Красивое лицо его застыло восковой маской. Прыткий и находчивый ранее, он явно не мог сообразить, что сказать.

Миа сжала кулаки. Безумная инициатива снова загнала её в тупик, поставив перед глухой стеной. Раздражение нарастало, грозя разметать по ветру остатки разума, но она не могла сдаться. Она почти поймала один из недостающих паззлов. И он был бы у неё в руках, если бы удалось разговорить эту крылорукую особь. А он словно специально не желает давать подсказок!

Ну что ж, если надо будет карабкаться по отвесной стене лабиринта, она полезет. Это – как раз тот случай, когда можно и нужно решаться.

– Так откуда? – повторила Миа взбешённо.

– Не думаю, что это важно, – отрезал Азаэль.

– А ответить сложно, да?! Сначала ты смотришь на меня так, словно знаешь со дня моего рождения! Потом – выслеживаешь в саду, дальше – называешь по имени и говоришь, что я что-то там не поняла?! А затем выясняется самое интересное! Что ты – кто бы мог подумать – жертва генетической инженерии!

Миа вздрогнула, осознав что несколько секунд назад очень глупо выдала себя. Неосмотрительно было акцентировать внимание на вопросах допереломной молекулярной биологии. Теперь нефилим может догадаться, что они с Нери – не здешнего поля ягоды. Если у него есть мозг, конечно. Однако Азаэль, вместо того, чтобы удивляться, затравленно молчал, опустив взгляд в сырую землю. Либо он ни о чём не догадался, либо...

Либо знал всё с самого начала.

Разряды молний заколотили по лопаткам от страшной догадки. Поблекший диск солнца внезапно показался невероятно ярким. Но кто сказал ему? Неужели Кантана?!

– Чёрт побери, я не понимаю, что тут происходит! – выкрикнула Миа, схватившись за голову. – Что это за место?! Почему ты говоришь, как будто курил запрещённые вещества?!

– Сама видишь, что не Иммортель, – слова Азаэля хлестали Мию, как кнуты, смоченные уксусом.

Теперь сомнений не оставалось: крылурукий знает! Знает всё! И об Иммортеле, и о том, что они с Нери – вовсе не беженцы.

– Откуда! Ты! Всё! Знаешь! – Миа уже не могла скрыть истерики. – Ты мог бы помочь нам, но предпочитаешь издеваться! Да ну и фиг с тобой, отброс науки! Что бы ты там ни скрывал, без тебя разберёмся.

Миа отвернулась, и веки защипало от слёз потерянной надежды. Ярость по-прежнему загоралась вспышками в животе, скручивая желудок. Обрывки мыслей и догадок не желали склеиваться воедино. Как же Азаэль жесток в своём нежелании помочь! Небось, награды за информацию ждёт, подлюга рукокрылая! Вот только предложить ему нечего. Если только череп пластиковый презентовать в знак признательности.

– Мне известно больше, чем ты думаешь, Миа, – голос Азаэля неожиданно вывел из оцепенения. – И даже то, из-за чего ты хочешь свести счёты с жизнью.

– И откуда же? – процедила Миа, понимая, что источник утечки информации – вовсе не Кантана. Возможно, всё куда сложнее, чем она думает. – Ты не можешь знать этого.

– Я знаю это от тебя самой. Ты доверяла мне всё, – Азаэль снова отвернулся. – Но повремени с глупыми решениями. Может быть, именно я – твоя седьмая причина.

Холод сковал живот. Едва обозначившиеся догадки неожиданно налились всеми красками. Череп говорил его голосом! Именно поэтому парнишка так странно отреагировал, когда Миа назвала его Азазелем! Но как, как такое возможно?

– Азазель, – выдохнула Миа, обернувшись.

– Я, – нефилим, улыбнувшись, посмотрел на Мию. – Не ожидала, правда? А я вот сразу узнаю старых друзей.

Миа уже не страшилась нелепости ситуации. Она никак не могла побороть изумление. Эмоции сражали безумием напора, заглушая и опасения, и здравый смысл. Пластиковый череп в наплечном мешке неожиданно показался тяжёлым, как свинцовый шар. Перед ней стоял человек – или не совсем человек – который знал самые страшные её тайны. Что если ему вздумается выдать их?

А если Азаэль хитро включит шантаж, связав её и Нери тайной?

– Но... как?! – выдавила Миа через силу.

7

– Не выдержите, – голос, вещающий страшную фразу, сразу показался Нери знакомым, – если не вернёте мне моего друга. Я об этом позабочусь.

Нери вздёрнул голову, и солнце плеснуло в глаза кислотой. Мир превратился в скопище цветных клякс. Когда искристый туман рассеялся, он, наконец, понял, в чём дело. За спиной Кантаны деловито упирала руки в бока уже знакомая ему рыжая барышня. Странно: ещё час назад ему казалось, что она желает скрыться и замести следы во что бы то ни стало! Видно, у неё появились заботы поважнее, чем бегство от парня, которому известно больше, чем она думает.

– Привет, Венена, – Нери несмело сделал шаг навстречу.

– Яся, – рыжая совершенно не отреагировала на его фразу. Ну, хоть чем-то они действительно были похожи с его сестрой. – А ну иди к мамочке, скотина нерасторопная!

Кантана громко вскрикнула: то ли от неожиданности, то ли от боли. В следующее мгновение хорёк сорвался с её плеча и потрусил навстречу Венене. Крошечные коготки деловито зацокали по бетону. Нери, наконец, догадался, почему Кантана закричала: в зубах зверька, как и прежде, блестел воротник. Хорёк времени даром не терял, гнездуясь на её шее. Скотина нерасторопная, ишь ты, какие прозвища выдумывает! Кажется, в Венене гибнет великий дрессировщик.

– Окто, да что ты себе позволяешь?! – Кантана, наморщившись, потирала шею. Красная полоса отпечаталась на её плече: должно быть, хорёк слишком сильно потянул шнурок, срывая воротник. – Все и так знают, что ты нечиста на руку. А теперь обнаглела настолько, что крадёшь у всех на виду?!

Венена невозмутимо улыбнулась. Ехидный прищур век отточил взгляд, сделав его острым, как кинжал. Несмотря на то, что Нери не особо любил смотреться в зеркало, внешнее сходство Венены с его отражением не могло остаться незамеченным. Будет забавно, если Кантана вдруг заострит на этом внимание.

– За тобой был должок, малышка Бессамори, – наклонившись, Венена опустила руку на землю, и хорёк ловко взобрался ей на плечо, не выпуская добычи. – Пятнадцать корневищ мандрагоры. Ты обещала забрать их и отдать деньги ровно два месяца назад, но так и не заплатила. Я предупреждала, что отсчёт пошёл.

– Мне уже не нужны эти корневища! – возмутилась Кантана. – Как ты можешь спрашивать с меня за то, чего я не брала!

– Если бы я требовала плату за предмет твоего заказа, Яся разграбила бы твою шкатулку с драгоценностями, – Венена хищно подмигнула. – И никто бы ничего не доказал. А твой прелестный воротничок – плата только за работу. И за риск. За то, что я ради тебя доставала мандрагору в запретной зоне и ковырялась в земле!

– Это нечестно! – выкрикнула Кантана.

– Нечестно посылать за мной слезку, Бессамори, – Венена с небрежным кокетством повела глазами. – Как только я увидела вас вместе, сразу поняла, почему этот юноша преследовал меня от самого рынка.

– Преследовал? – изумилась Кантана.

– Нет, Венена, – Нери тщетно пытался переубедить её, но не получалось, – у меня к тебе был разговор! Кантана тут ни при чём!

– Разобраться хотела, чтобы долг не платить, да? – Венена усмехнулась. – Да чужими руками? Что ж, вот она я, перед тобой. Разбирайся.

Венена гордо выпрямила спину и расправила плечи, однако, до величественной выдержки воительницы ей явно чего-то не хватало. Холодной уверенности во взгляде. Бескомпромиссной твёрдости позы. Природная неуклюжесть сквозила в каждом её движении. Такие тяжело переносят нагрузки и плохо дерутся. Наверное, прыжок из колесницы дался ей невероятным трудом. Впрочем, Нери уже убедился в том, что Венена уваливает от прямых атак. Вероятно, лишь не самый лучший внешний вид Кантаны заставил её полезть на рожон.

– И не страшно тебе нарываться? – фыркнула Кантана с пренебрежением. – У меня хороший удар, и даже сейчас я буду иметь преимущество. Лучше сразу верни то, что мне принадлежит по праву!

– Корень мандрагоры? – Венена расхохоталась. – Верну, если заплатишь!

– Помнишь, кто моя мать? – Кантана приблизилась к ней и, улыбаясь, распахнула глаза навстречу.

– Конечно, помню, – Венена и не думала отказываться от своих слов. – Думаю, Анацеа Бессамори будет очень удивлена, узнав, что её младшенькая покупает корень мандрагоры. Тебе ведь не нужны лишние вопросы, Кантана?

– Тебе что-то известно?! – Кантана задохнулась. Щёки её зардели горячим румянцем.

– Смотри о чём ты, – Венена таинственно улыбнулась.

– Оставь ей воротник, Кантана, – Нери счёл нужным вмешаться. Если Кантана снова сболтнёт лишнего, вызволить её из беды будет проблематично. – Так будет лучше для тебя.

– А твой наёмник-то сообразительный мальчик, – Венена, наконец, удостоила Нери зеленоглазого взгляда. – Где ты заполучила такого? Он точно не из здешних.

– Венена Окто, ты слишком многое хочешь знать, – Кантана снисходительно улыбнулась. – Небось, и информацией приторговывать намерена? Хорошее решение: это чистый товар. Не то, что твоя подделка.

– Можешь не отвечать, – Венена пожала плечами. Яся хищно сверкнула единственным глазом. – Всё равно мне не составит труда узнать. Он так хорош, упрям и вынослив! Я непременно добуду информацию о том, кто был его учителем.

– Я с Третьего холма, Венена, – на лету подхватил Нери. Не хватало ещё, чтобы Венена начала копаться в их секретах и что-то унюхала. – Обучал я себя сам. И повторяю: я не наёмник.

– А с тобой, – Венена, наконец, обратилась к Нери, – у меня будет отдельный разговор. Лучше сразу готовься сдать тех, кто продал тебе информацию.

– Информацию?

– Не прикидывайся, мальчик-наёмник, – Венена ухмыльнулась, – ты прекрасно знаешь, о чём я.

Неприятный нарастающий шум задрожал в воздухе. Верхушки сосен закачались, хотя порывы ветра отступили. Сдвоенные иголки полетели к ногам колючим дождём. Нери задрал голову в розоватое небо, тщетно надеясь увидеть самолёт из родного мира.

– Первый Холм, – раздался голос Кантаны. – Только не это.

– Первый Холм? – переспросил Нери непонимающе.

– Это их звуки. И запах... чувствуешь? Это их летающие машины. Разрушители подсказывают им, как строить такие.

Нери мотнул головой, по-прежнему не понимая, что Кантана имеет в виду. Лаконичность и умение строить словесные формулировки – явно не её дар.

– Мы хорошо поговорили, – твёрдый голос Венены прорвался сквозь гам, – но мы с Ясей должны спешить.

Словно знаменуя её слова, из-за полосы сосен выплыл огромный дирижабль, украшенный разноцветными флагами. Он напоминал огромное серебристое яйцо, с ускорением разрезающее воздушные потоки. Нери видел подобные лишь на страницах учебников истории.

– Вот это да! – не смог он сдержать восхищения.

– Вот скинет сейчас дымовую шашку, – проворчала Кантана, – тогда будет тебе «да-а-а».

Дирижабль поплыл вдоль лесополосы в сторону города. Металлическое яйцо постепенно приближалось к верхушкам сосен, снижая высоту: видимо, неведомое летающее устройство заходило на посадку.

– Сказала же: не выдавайте себя, – возмущённо воскликнула Венена. – Нет, всё равно по-своему делают.

– Кто? – Кантана изумлённо приподняла бровь.

– Вы! – она отреагировала быстро, но Нери показалось, что замялась, подбирая ответ. Скорее всего, действительно показалось. – Встали тут на открытом месте и ждёте, пока они вас заметят!

– Ну, мы вообще-то... – попытался возразить Нери.

– Мне пора, но я найду тебя, наёмник, – Венена дерзко подмигнула, удаляясь. – Прикрывай задницу, ты мне всех сдашь с потрохами!

– Нери, – прокричал он ей вслед. – Зови меня Нери.

Венена неожиданно остановилась и развернулась на пятке. Обескураженная, словно ей залепили со всего размаха пощёчину. Затуманенные глаза вперились в Нери, в мутных зеленоватых глубинах сквозила неприкрытая злоба.

– Это не смешная шутка, – выщедила она сквозь зубы. – Благодарю Покровителей, что я должна бежать. Иначе ты бы не уцелел.

Расправив грязную юбку, Венена помчалась вглубь чащи. Вороватый хорь не слезал с её шеи.

Глава 2

Молчаливая Девочка

1

– Что-то ты слишком быстро сдалась, – с пренебрежением выдавил Нери, перешагивая через переплетения корней.

Грязь чавкала под ногами, всасывая едва заметные следы колесницы. Нери и Кантана были в пути уже около получаса, однако в стенах лесных дебрей по-прежнему не обозначилось и намёка на просвет. Узкая дорожка петляла, заводя всё глубже в чащу. Степенные сосны давно сменились раскидистыми дубами. Густой воздух пах сыростью, плесенью и стоячей болотной водой.

– Лучше пусть останется с воротником и молчит, – Кантана густо покраснела. – Я ведь не могу знать доподлинно, что именно ей известно. Рисковать из-за безделушки глупо.

– Первая мудрая мысль за день, – усмехнулся Нери. – Хотя бы чему-то ты от меня научилась. Тебе следует чаще держать язык за зубами, Кантана. Я удивляюсь: как ты со своей прытью ещё не довела себя до наказания.

– Видно, родилась под счастливой звездой, – она пожала плечами. Было очевидно, что этот разговор совершенно не доставляет ей удовольствия.

– Я – наоборот, – вздохнул Нери.

Когда деревья расступились, открыв дорогу холодным солнечным лучам, Нери почувствовал прилив сил, хотя голова по-прежнему кружилась, а мысли путались. Иллюзия того, что они ходят кругами, наконец, утратила чёткость. Да и две глубокие параллельные полосы, оставшиеся в грязи после колесницы, убеждали в том, что эти домыслы неверны.

– А чем живёт эта Венена Окто? – неожиданно поинтересовался Нери.

Уголки губ Кантаны задёргались.

– Тебе ли не знать? – она всплеснула руками. – Ты же её преследовал! Самые интересные вещи я почему-то узнаю не из твоих уст!

– Преследовал, потому что недосчитался инструментов, – сочинял на ходу Нери, – и подумал на неё. Она как раз крутилась рядом. Мне показался подозрительным её внешний вид.

Глаза Кантаны недобро блеснули.

– А откуда тогда имя её знаешь? Может, ты ещё что-нибудь скрываешь от меня?

– Она продавала сильванит какой-то барышне, – Нери изумлялся, как легко ему даётся ложь. За последние три дня он многому научился, и понял, что иногда слово «врать» – синоним глагола «выживать». Впрочем, терять уже было нечего. – Та назвала её по имени. Так что она за птица?

Внезапная бледность расплзлась по лицу Кантаны. Губы её снова напряглись, сжавшись в бесцветный рубец.

– Да так, торговка местная. Многие совершенно справедливо, как ты успел заметить, считают её прохиндейкой. Но почему она так интересуется тобой?

– Потому что она мне угрожала, – сиюминутные выдумки слетали с языка Нери, как песня. – Только что, при тебе. Я боюсь. Разве не очевидно?

– Я так и не поняла, что за информацию она у тебя просила?

– В том-то и дело, что мне невдомёк, – Нери перешагнул через мутную стоячую лужицу. – Поэтому я и опасаюсь последствий.

Некоторое время они шли молча, преодолевая препятствия глубоких луж и валы жидкой слякоти. Как ни странно, Нери не удивляло, что Кантана не желает разговаривать о Венене. Он представлял себя на её месте, пытаясь проникнуться недовольством. Да если бы она расспрашивала о Гандиве, он бы надутно молчал и даже не пытался казаться вежливым! Хотя, может и ляпнул бы пару гадостей сквозь зубы.

Неожиданно Кантана снова заговорила, и в её голосе уже не слышалось недовольства.

– Она самобытная, – Нери тут же понял, о ком идёт речь. – Хитрая, словно голодная лиса, и очень умная. Про таких говорят: мать родную продаст. Люди подобных сторонятся. И ты сторонился бы.

– Она хитра, но очень труслива, – вырвалось у Нери. – И, к тому же, это ей досажает.

– С чего ты взял? – фыркнула Кантана.

– Она нарывалась, видя, что ты не можешь дать ответа, – Нери развёл руками. – Совершенно очевидно, что это было самоутверждение. Не перед тобой, и не передо мной. В её собственных глазах. Она словно сомневается в своём праве на существование.

– Откуда ты это всё знаешь? – Кантана снова начинала злиться.

«Я слишком хорошо знаю, какой крест приходится нести неудачникам», – хотел было сказать Нери, но предпочёл промолчать. Не хватало ещё, чтобы девчонка прознала о его слабостях и использовала информацию. Уж на это у неё точно мозгов хватит!

– Мне она лапши на уши не навешает, – произнёс он наконец.

– Лапшу на уши? – не поняла Кантана. – Думаю, она пока не настолько обезумела, чтобы носить с собой котелок.

– Да нет. У нас так говорят, когда кто-то хочет обмануть собеседника и пудрит ему мозг.

– Мозг пудрит? – воскликнула Кантана. – Нери, пощади мою голову!

– Это значит, обманывает, – раздражённо выцедил Нери.

– А, – Кантана махнула рукой. – Так бы сразу и сказал. Хватит изощряться в выражениях. Это тебе цену не прибавляет.

– Ты считаешь, что я цену себе набиваю? – надменно проголосил Нери.

– Да это же очевидно! – хихикнула Кантана.

– А больше ты ничего не заметила? – ослабил Нери.

– Я заметила, что ты смотрел мне выше головы, – Кантана поправила воротник плаща, – там, на развалинах. И что ты краснел.

Нери замаялся и отвёл взор. Жар снова залил лицо. Кантана рассуждала о вещах, которые должны были остаться за кадром, с поразительной смелостью и совершенно без смущения. Должно быть, румянец смущения на его щеках приведёт её в неопишуемый восторг! С ужасом Нери подумал о том, что придётся ещё невесть сколько тащиться сквозь лес наедине друг с другом.

Но оказалось, что судьба снова перешла на его сторону. Сквозь деревья просочилась чернота просмоленных крыш. Слякоть под ногами постепенно таяла, уступая место покрытию из грубого щебня.

Прекрасно! Ещё одной пятиминутки позора он бы не выдержал...

– Пришли, – отрезал он, надеясь, что ему удалось-таки перевести разговор на другую тему.

– Смотри теперь по сторонам, – приказала Кантана. – В оба.

– Зачем? – не понял Нери. – Что у вас тут, бандформирования орудуют? Как в старину?

– Чтобы вовремя заметить ту летающую штуковину, – пояснила Кантана. – Которую мы видели над лесом. Враг сейчас на нашей земле. Хотя война ещё не объявлена, нужно быть начеку.

– А если мы попадёмся им на глаза? – Нери пожал плечами, наблюдая за тем, как крыши становятся больше, приближаясь.

Его вопрос остался без ответа.

2

– Безмозглые олухи, – ворчала Венена, продираясь сквозь заросли ежевики. – Говорила же им, будьте начеку! Нет, нужно обязательно показаться всем на глаза. Ну скажи, Яся, разве так делают те, кому дорога жизнь?!

Хорёк завозился на плече. Коричневый хвост змейкой скользнул по шее, уронив несколько волосков на лиф платья.

Венена шла сквозь чащу, держа курс к условленному месту. Промёрзшие ветки кустарника, треща, ломались под подошвами. Липкая от слякоти оборка юбки собирала остатки сухой листвы. Сандалии прекрасно пропускали влагу, густая грязь впитывалась в чулки, неприятно холодя ноги. Но Венена не обращала внимания на дискомфорт. Она едва сдерживала злость. Не нужно было обладать исключительным умом, чтобы понять, чем закончится эта история, если по её пути вдруг ринется следок. Головотяпы с Первого Холма всё сделали для того, чтобы выдать и себя, и её!

Но жажда хорошего заработка оказалась сильнее страха и ярости. Да и терять уже было нечего: гордость и принципы остались под покровом прошлого, в другой жизни.

– Вот сейчас как накроют дозорные, – продолжала она негодовать, выплёскивая скопившееся раздражение, – будут знать! Если, конечно, к тому моменту не будет слишком поздно.

Слова отдавались в ушах гонгом, наполняя голову густым маревом. Но Венена радовалась этому: с недавних пор она боялась оставаться в тишине. В памяти по-прежнему оживала стычка с длинноволосым чужеземцем. Венена по долгу службы знала практически всех местных жителей, и могла ручаться, что парень, назвавший себя именем Нери, никогда не жил на Девятом Холме. Но... его лицо по-прежнему казалось знакомым. До боли, до тянущей истомы в животе. И хотя Венена не могла вспомнить, где они встречались, она была уверена, что это происходило. Осознание страшного факта сводило с ума.

Может быть, тут замешана Молчаливая Девочка?

Непреодолимое чувство тревоги легло на плечи и никак не желало отпустить. Кто же он? Тайный доброжелатель или шпион, подсланный, чтобы оборвать её жалкую жизнь? И, если не второе, тогда откуда он знает вещи, известные только ей и матери?!

Откуда он знает про Девочку?..

И почему он произносит вслух странные фразы, которые Девочка передала ей с целью, известной лишь ей одной?

Может, стоит отказаться от безумной затеи, пока не поздно?

Яся ткнулась мордочкой в щёку, прервав поток гнусных мыслей. И очень вовремя. В промежутках между деревьями засеребрился знакомый баллон. Колючий ветерок, скользнув меж ветвей, принёс с собой голоса. Несколько мужчин разговаривали, время от времени сдер-

жанно похихикивая. Голоса были тихими и шелестящими, как шёпот листвы в середине третьего сезона. Гости явно боялись, что их услышат. И хотя Венена не могла разобрать слов, она предполагала, какие темы они обсуждают.

Совість котёнком заскреблась за грудиной. Последние сомнения вспыхнули молнией и тут же потухли, не оставив и отголоска. Горячая жажда наживы пьянила сильнее. Решимость вытеснила муки колебаний. Венена уже чувствовала приятную тяжесть золотых монет в карманах юбки. На самом деле, это несложно – отказаться от глупых предрассудков на пару минут. Зато после того, как всё закончится, можно будет наконец купить себе лошадь взамен павшей и снова иметь доход от транспортировок. Самое время: первый сезон наступает на пятки. Скоро бездомные, собрав последние сбережения, ринутся на Третий Холм, где у них будет возможность переждать холода под крышей. Им понадобится извозчик. Им понадобятся хартии...

Они знают, что Венена Окто сможет всё устроить. Если её об этом хорошо попросить, конечно.

Она будет зарабатывать извозом и завяжет с противозаконными делишками. Непременно. На Девятом Холме становится слишком опасно.

Прорвавшись сквозь оцепление колючего кустарника, она вышла на поляну. Между деревьями гордо возвышался дирижабль, блестя серебристой отделкой. Трое мужчин топтались неподалёку, что-то бурно обсуждая. Заметив Венену, гости замолчали и ринулись ей навстречу.

– Это она, – пояснил один из визитёров: юный коротышка в очках, с торчащими, как у бобра, передними зубами. – Венена Окто.

– Что ж, Венена Окто, – подхватил седовласый пожилой мужчина приятной наружности. – Мы с коллегой надеемся, что цена вопроса будет не слишком высока.

Венена вышла из тени, снисходительно кивнув мужчинам в знак приветствия. Те с готовностью подняли развёрнутые ладони к вискам. Приветствие третьего порядка на Первом Холме. Венена помнила нюансы из редких рассказов матери.

Коротышка вскинул глаза, заслонённые толстыми линзами очков. Он деловито извлёк трубку из кармана пиджака, что был велик ему на добрых четыре размера, и предложил Венене. Пренебрежительно фыркнув, она отмахнулась.

– Лачино, ты олух, – категорично прокомментировала она, приближаясь к летательному аппарату. – Сколько раз я говорила тебе о конспирации?!

– Пф-ф, – выплюнул коротышка. – О чём беспокоиться? Да даже если ваши бросятся на нас скопом, мы втроем порешим всех. У нас с собой оружие, которое вам и не снилось!

– Ты мало знаешь о магии, Лачино, – спокойно проговорила Венена, со знанием дела оглядывая дирижабль. – И, судя по всему, никогда не был в бою. Пара стихийников с заклинаниями огня – и тут же не станет ни вас, ни вашей бандуры. Знаешь, с каким звуком взрываются эти баллоны?

Венена смачно шлёпнула кулаком о ладонь. Лачино стыдливо отвёл взгляд.

– Мы может быстрее приступить к делу? – прервал их диалог седовласый. Недобрая улыбка приподняла уголки его губ. Судя по тому, с какой нервозностью он поглядывал на часы, каждая секунда имела для него значение.

– Без проблем. Оплата вперёд, – сухо отрезала Венена.

3

– Сам бы знать хотел, – пожал плечами Азаэль, – как ты и этот парень тут оказались. Ты иногда отражалась в моём зеркале, и я тебя слышал. И всегда отвечал, когда никого не было рядом. Я уже смирился с тем, что Покровители наградили меня безумием. До тех пор, пока не увидел тебя в особняке.

Миа и Азаэль сидели на деревянной скамейке в саду Бессамори, в окружении каменных клумб и громоздких вазонов. Последние цветы скукожились от холода, превратившись в пожухшие мячики на гнутых ножках. Камни старой кладки, покрытые мхом, едва просматри-

вались сквозь землю. Одинокие травинки пробивались сквозь стыки, выставляя расщеплённые кончики навстречу небу. Только им не суждено было встретить тепло... Солнце, поблекнув, закатилось за тучу, а небо над садом налилось багрянцем, угрожая обрушиться на землю дождь.

Ветер, пронёсшийся над садом, лентой запутался в локонах Мии. Кудряшки зашевелили щёки. Раздражённо поджав губы, Миа отбросила волосы назад.

– Ты же врал, что ты – древний дух, – она с укором посмотрела на нефилима.

– Любая легенда должна быть красивой, Миа, – отметил Азаэль, поспешно отводя взор.

– Знала бы я твои принципы, – Миа недовольно сморщилась, – и для себя бы что-нибудь придумала поинтереснее. Но мне слишком была нужна поддержка. Когда хочешь, чтобы тебя поняли, нужно быть искренним.

– Ну вот, теперь ты знаешь правду, – Азаэль посмотрел исподлобья. Радужки переливались чистым серебром. – Я всего-навсего отброс древней науки. И общества.

Он виновато отвернулся, задрал голову в хмурое небо. Тёмные волосы разметались по плечам. Миа нехотя поймала себя на мысли, что скорее признала бы факт собственной диссоциации и глубочайшего психоза, нежели то, что посредством пластикового сувенира с ней разговаривал неудачный эксперимент генетической инженерии.

Но, раз уж карты сложились именно так, почему бы не использовать это во благо?

– Расскажи мне об этом месте, – Миа вздрогнула, испугавшись собственного вопроса.

– Пока я рядом, тут нет ничего, что могло бы напугать тебя, – Азаэль усмехнулся. – Предостерегу лишь об одном: остерегайся Пропasti. Страшный недуг косит невольников. Сам видел.

– Да ну её, эту Пропасть! И этот недуг... Что это за город? Известно ли кому-нибудь, кроме тебя, об Имортеле?

– Да я и сам не знал до того, как вы тут появились, – нефилим осторожно улыбнулся, словно ожидая поддержки. – И я ни от кого не слышал про это поселение. И вряд ли мог слышать. Ведь после Возмездия земля пуста. Осталось лишь девять холмов в Сердце Земли. И один родник с водой на всех.

Мию не покидало ощущение недосказанности. Словно Азаэль знал что-то, что могло спасти их с Нери, но намеренно молчал об этом. Один родник, значит? Земля опустела? Слишком уж много совпадений. И недуг – в том числе. Совсем не похоже на то, что они – жители разных миров. По крайней мере, предыдущие события слишком уж хорошо сходятся, дублируя друг друга. Только как правильно сопоставить факты?

– Постой-ка. Расскажи мне про недуг, – Миа попыталась изобразить любопытство.

– Смотри-ка кто идёт, – нефилим, не к месту улыбнувшись, взмахнул рукой, сделав широкий жест в сторону калитки.

Миа вздёрнула голову, поймав в поле зрения кованые пики, тянущиеся по верхней линии забора. По ту сторону ограды, пошатываясь, тащился Нери. Именно тащился, ссутулив спину и понуро опустив голову. Прямо за ним деловито семенила Кантана. Багряная ссадина горела на её щеке, проглядывая из-под завесы растрёпанных волос.

– Наконец-то, – послышался в отдалении голос Нери. Миа наблюдала, как он распахивает калитку, учтиво пропуская хозяйку имения вперёд.

Нет, Кантана не прикасалась к Нери. Они даже не шли рядом, будто намеренно сторонясь друг друга. Но ревность обвила сердце Мии скользким змеиным хвостом, когда она заметила, что Бессамори кутается в мужской плащ не по размеру. Ведь Нери ушёл сегодня утром точно в таком же!

– Я пошёл работать дальше, – услышала Миа тихий голос Азаэля. – Негоже нефилимам находиться с избранными.

– Азаэль! – обиженно рявкнула Миа, убеждаясь в правоте своих подозрений. – Ты ещё не всё рассказал!

Но нефилим даже не оглянулся. Нарастивая скорость, Азаэль потрусил в сад. Серые отростки крыльев легко подрагивали за его спиной.

– Дурак, – процедила Миа сквозь зубы.

Кантана, улыбнувшись издали, подняла руку для приветствия. Но отвечать на её жест не хотелось.

– Миа! – на радость, Нери ринулся к ней, едва заметив.

Кантана не собиралась задерживать его. Впрочем, если бы она это сделала, Миа наступила бы ей по голове, плюнув на правила приличия и безрадостные перспективы уличной жизни. Перехватив любопытный взгляд Мии, юная Бессамори прикрыла полыхающую краснотой щёку ладонью и поспешила в дом. Провожая её фигуру, кажущуюся неуклюжей и громоздкой в плаще не по размеру, Миа даже успела позлорадствовать. Здешняя пудра слишком слаба, чтобы скрыть кровоподтёк такой величины. А наутро отёк, наверняка, переползёт под глаз, обозначившись синяком.

Нери, оставив неуверенную походку за калиткой, резво полетел к веранде. В мыслях Миа уже представляла, как он обнимает её с разбега: так крепко, словно не видел уже тысячу лет. Этот сумасшедший день, казалось, растянулся на долгие недели. Должна же жизнь выписать награду за пережитый стресс?! Уголки губ Нери взмыли вверх, словно он прочитал её мысли на расстоянии, и Миа рискнула улыбнуться в ответ.

По мере того, как его фигура приближалась, сердце заходило всё сильнее. Оказывается, делать шаг за грань воплощения мечты страшно. Чёрная тень накрыла Мию, и кровь прилила к голове пульсирующим фонтаном. Распирание в висках оглушило. Сейчас он...

Разочарование прихлопнуло, как бетонная плита, когда Нери лишь осторожно погладил её локоть. Впрочем, нечаянного прикосновения хватило для того, чтобы по плечу побежали мурашки. Лёд кожи Нери промораживал даже толстую ткань пальто, и Миа с необъяснимой злобой подумала, что он, должно быть, столь же холоден и внутри. И потупила взор, пытаясь скрыть досаду.

– Как ты? – лёгкая улыбка снова заиграла на губах Нери, и пугающее ощущение отступило.

– Ты уже с работы? – Миа решила начать издали.

– Не пришлось мне сегодня работать, – Нери отвёл глаза. Миа прекрасно понимала, что Нери не желает говорить об этом, но любопытство было намного сильнее здравого смысла. Да и ревность, ядовитым ростком обвившая сердце, пугала всё больше, не давая держать себя в руках.

– Что-то случилось?

– Очень многое, Миа, – губы Нери сжались. – Открылась ещё пара карт, но от этого я, кажется, запутался лишь сильнее. Даже не представляю, как рассказать обо всём последовательно, чтобы ты поняла.

Миа закусила губу, пытаясь не разозлиться. Сердце гонгом билось о рёбра, посылая в голову горячие волны пульсации. Кровь прилила к лицу, и она поспешно отвела взор, уставившись в небо. Тучи над особняком наливались густой синевой. Вдалеке пересвистывались порывы ветра, словно неведомый музыкант елозил ладонью по расстроенным струнам. Преисподняя из допереломных религиозных мифов – вот где они очутились! Не хватает только запаха жареной человечины.

– Только не обманывай меня! – воскликнула Миа. Не сумев преодолеть себя, коснулась плеча Нери. Кожа под тонким чёрным шёлком была ледяной и окаменевшей. – Скажи честно, почему ты был с Кантаной?! Почему она – в твоём плаще, Нери?

Ураган ударил по калитке, расшатав её на ржавых петлях. Кованая дверца ехидно скрипнула, ударила об опору и тут же отлетела назад, подмяв густую поросль иссохших георгин.

Увядавшие цветы в агонии дёрнули свесившимися головками, выплёвывая остатки лепестков, словно выбитые зубы.

– Миа, – Нери засмеялся, обхватив её ладонь окоченевшими пальцами. – Перестань ревновать, прошу тебя. У тебя точно нет повода. Мы с тобой поневоле в одной лодке, в ней и останемся, что бы ни произошло. Хотя, сегодня у меня была замечательная возможность убежать, это для меня – вопрос совести.

Слова Нери и его смутные попытки оправдаться не вызвали интереса у Мии, а его смелый жест не породил былого восторга. Даже заявление о том, что Нери мог сбежать, пролетело мимо ушей. Лишь первая фраза вошла в грудь, как пуля, прорвав кровотокающую рану. В самое сердце, навывлет. Да так, что невыносимое и мучительное ранее желание показать Нери неожиданный дар моментально улетучилось, сжавшись до габаритов фотона.

Что он вообще о себе возомнил?! Неужели самооценка позволяет Нери считать, что она была бы рада вступить с ним в отношения?! Голова заполнилась густым потоком спутанных мыслей, заглушающих осознание самого главного – да, она не противилась бы этому. Миа не видела, где дала слабину. Каким действием она подкинула Нери повод думать, что питает к нему нежные чувства?

Может, он ещё о чём-нибудь догадывается? Как знать...

– Я не ревную! – выпалила Миа, вырывая руку из его замёрзшей ладони. Несмотря на возмущение, она тщательно продумывала каждое слово, дабы у Нери не возникло лишних подозрений. Он и так, кажется, понял слишком многое: остальное ему знать было необязательно. – Как ты вообще мог предположить такое?! Я спросила это, потому что ты до вечера должен быть на работе. Ты вернулся назад до закрытия рынка, весь растрёпанный и грязный, и с тобой шла Кантана. Это вызвало у меня вопросы, вот и всё! И ты должен ответить на них!

– Никто и никогда не контролировал каждый мой шаг так, как ты, – фыркнул Нери, по-прежнему пытаясь перевести выяснение отношений в шутку. – Ты прелесть, Миа.

– Я комплиментов не просила!

– Хочешь знать, что произошло – слушай, – Нери поник, как увядающий цветок. – Сегодня утром я встретил на рынке девушку, которая была очень похожа на...

– А почему Кантана пошла с тобой на работу?! – любопытство устроило Мии нешуточную попытку, то сжимая диафрагму железным обручем, то снова давая возможность отдышаться. – Она же должна была быть в Наставне!

– Не перебивай, пожалуйста. Просто послушай, – проворчал Нери. Его пальцы задрожали: то ли от холода, то ли от волнения. – Я увидел на рынке девушку, очень похожую на мою сестру, и побежал следом за ней. Она прогоняла меня по толпе и городским улочкам добрые пятнадцать минут! Потом мы ехали в повозке, и когда она выпрыгнула из неё на ходу, мне пришлось броситься следом...

– Нери, я же просила, не обманывай меня, – Миа покачала головой. Контролировать себя становилось всё сложнее: казалось, что ярость вот-вот воспламенит тело, подобно тому, как несколько часов назад она сама подожгла зал заседаний Совета. – Надеюсь, ты сам понимаешь, насколько неправдоподобно это звучит.

– Я правду говорю! – Нери задыхался от волнения. – Девчонка оказалась резвой и хитрой и загнала меня в лес. Я долго плутал там, пока не вышел на поляну. Там я и встретил Кантану...

Довольно издевательств! Выдумки Нери были настолько неуклюжи, слабы и неправдоподобны, что, слушая эту ересь, хотелось колотиться головой о стену. Рык ярости вырвался из горла, рассеявшись в воздухе клубами пара.

– Прошу тебя, – Нери осторожно дотронулся до плеча, но его прикосновение не принесло ни тянущего волнения, ни удовольствия. – Поверь мне.

Предел был достигнут. Дёрнувшись от негодования, Миа захохотала Нери в лицо.

– Мы в одной лодке, говоришь?! – процедила она с издёвкой. – Да с таким союзником, как ты, скорее пойдёшь ко дну, чем доберёшься до берега!

Два затуманенных, дымчатых озера, смотрящих на Мию, неожиданно остекленели. Казалось, что мороз внезапно сковал их воды коркой льда.

– Хочешь плыть одна? – переспросил Нери неуверенно.

– А ещё я не люблю, когда меня трогают! – рывкнула Миа.

Ладонь Нери, всё ещё лежащая на плече, холодным пауком соскользнула вниз.

– Ну, знаешь что... – прошептал он удручённо.

– Я лишь попросила не врать! – нездоровое любопытство снова перевесило здравый смысл, заставив Мию подлить масла в огонь. – А ты... Ты абсолютно несерьёзно всё воспринимаешь! Для тебя это всё – игрушки, просто ещё один день приключений. Ты совсем не понимаешь, насколько мы в трубе!

– Поговорим позже, – отрезал Нери, ринувшись к дому.

Тёмный силуэт растаял за поворотом, утонув в сетке голого кустарника. Миа глубоко вдохнула воздух, наполненный густым смрадом костра и жжёных листьев. Морозные иголки сковали горло и проникли в лёгкие. Негодование откатывало, подобно пенной волне, оставляя после себя засасывающий вакуум разочарования в самой себе.

Все возможности были упущены: окончательно и бесповоротно. Она хорошо знала слова, которые ранят, но не ведала таких, что смогут залатать прорехи. Больше всего Миа хотела дать Нери ещё один шанс объясниться. И меньше всего желала думать о том, сможет ли он теперь доверять ей.

4

Приторная патока солнечного света пропитала кроны мёртвых сосен, но воздух пах дождём. Сквозь редящую поросль виднелись скопления облаков, плывущие со стороны Девятого Холма. Мгновение – и туча заслонила солнце, снова позволив зеленоватому полумраку расплзтись по земле.

Спотыкаясь, Венена пробиралась на свет. Миссия, наконец, завершилась, и результат радовал до радужных пятен перед глазами. Приятная боль, распирающая голову, сигнализировала, что работа выполнена на совесть! Да и награда стоила того. Монеты оттягивали карманы юбки. Хватит ещё на неделю. Теперь отоспаться бы хорошенько... Из последних сил растянув рот в улыбке, она погладила мордочку верного питомца. Заурчав, Яся защекотала хвостом шею.

Только Венена понимала, что отоспаться не получится. Ни сегодня, ни завтра. Слишком много странных вещей произошло этим утром. И хотя она не чувствовала угрозы от длинноволосого парня, что преследовал её, интуиция жрицы подсказывала, что они ещё увидятся. И не раз. От одной мысли о том, что снова придётся стоять рядом, глядя в его надменные глаза, тряслись колени. Словно он скрывал в себе потерянный элемент, который она так долго искала: знакомый и необходимый, но невидимый глазу. И эта деталь стоила куда дороже, чем магическая услуга для обалдуев с Первого Холма.

И ключ к ней, наверняка, имя, которым он назвал себя. Нери.

Перед глазами вспыхнул, как молния в глухой ночи, образ матери, держащей на руках обмякшее тельце в грязном одеяле. «Посиди здесь, Венена, – бормотала она растрескавшимися губами, направив в никуда опустошённый взор. – Я уйду ненадолго. Я скоро вернусь, обещаю». И мама сдержала слово. Но больше никогда Венена не видела её такой, какой привыкла знать. Тот день переломил три жизни. День, когда...

Вдох оборвался гулким хлопком. Живот сдавило. Венена не знала, как поступила бы, оказавшись на месте матери. И надеялась, что ей никогда в жизни не придётся выбирать между плохим и очень плохим.

– Всё в порядке, мама, – проговорила она в никуда, отвечая собственным мыслям. – У тебя просто не было иного пути. Я молилась, чтобы Покровители приняли тебя.

Воспоминания породили мучительное головокружение. Отдалённый свист ветра заглушил тихий голос Венены. Судя по тому, что запах свежести усилился, приближался дождь.

Или это вовсе не дождём пахнет?!

Как в подтверждение, воздух впереди сжался и сконцентрировался, породив вспышку. Фиолетовый шарик зашипел, стремительно расплываясь вширь, словно дыра, прожжённая кислотой на льняном полотне. Аромат свежести накатила обжигающей волной. Сухость пробралась в горло и распустила острые когти. Венена закашлялась с присвистом, заслонив рот ладонью.

Явилась она. Та, что всегда её сопровождала.

Муть в сформировавшемся портале постепенно рассеивалась. В глубине дрожащего озера проступил силуэт, и сомнения рассеились. Молчаливая Девочка. Точно. В последний раз – несколько дней назад – Венена видела в дыре лишь мутное пятно, которое выкрикивало её имя мужским голосом. Впрочем, удивление пришлось не к месту: Девочка приходила столько, сколько Венена себя помнила, и надежда, что это прекратится, уже давно растаяла. Молчаливая Девочка как две капли воды походила на отражение, что Венена ежедневно видела в зеркале, и выросла вместе с ней. Девочка всегда передавала странные вещи: иногда – фразы, реже – стихи, которые Венена бережно записывала в блокнот. Возможно, Девочка была лишь отколовшейся частью её подсознания, но, тем не менее, Венена никогда и никому не говорила о странном явлении. Каждый имеет право на маленькую тайну.

«Он не приходит, – услышала Венена знакомый голос в голове. Зелёные глаза, кажущиеся совершенно пустыми, обожгли её совершенно осознанным взглядом. – Я одна. Скажи мне, почему его нет?»

Яся заметалась на плече, царапая кожу коготками. Возможно, она тоже видела Девочку. Возможно – даже слышала её мысли, как делала это Венена.

– Я... не знаю, – растерялась Венена. Сложно было сориентироваться, не зная, о чём идёт речь. Но спрашивать что-то у Девочки было бесполезно. Поток информации все восемнадцать лет шёл лишь наружу, но не внутрь. Воды реки не бежали против течения, как бы Венена ни пыталась их заставить.

«Ты знаешь, – мысли Девочки зазвенели, как колокольчики общественной повозки. – Чувствую, что ты можешь сказать мне это! Я знаю, что он жив, но где он? Почему не приходит домой?!»

– Кто он? – раздражение Девочки передавалось Венене, как смертельная инфекция. – Я не понимаю тебя! Какого ответа ты ждёшь?!

Распахнутые настежь глаза сжигали Венену сквозь трепещущее энергетическое желе. Жар бежал по сосудам, разгоняя кровь. Действительно ли реальна Девочка? Или она сейчас испепеляет себя сама, потакая нахлынувшему безумию?

Головокружение неожиданно усилилось. Силуэты мёртвых деревьев закачались, смазываясь. Пытаясь удержать равновесие, Венена выкинула руку вперёд. Кончики пальцев коснулись энергетической дыры и преломились на грани двух пространств, словно ложка в стакане травяного настоя. Онемение поползло от ладони к плечу, как вьюн по стволам в разгаре третьего сезона. Мир вокруг скрутился в тугую спираль. Голову заполнило гудение на низкой ноте.

– Я иду, – простонала она, стремительно теряя контроль над собственным телом.

«Нери, – голос Девочки, дрожащий на грани небытия, снова оглушил Венену. – Скажи, где Нери!»

Внезапная обжигающая боль, как горячий водопад, заструилась по плечу. Колени подогнулись, опрокинув тело назад. Секунду спустя громкий хлопок сотряс воздух, и Венена поняла – Девочка ушла. Крик сорвался с губ и повис на ветвях, превратившись в тягучее эхо.

Спина встретила подстилку из сухих листьев. Кроны очертили над головой мохнатый круг. Ощущение реальности постепенно возвращалось, и вместе с ним усиливалась боль в

плече. Венена осторожно коснулась рукава, тщетно пытаясь понять, что произошло. Пальцы обнаружили глубокую рваную прореху.

– Что случилось? – переспросила она тишину слабеющим голосом. – В меня стреляли?

Подозрительное спокойствие опровергало догадку. В безлюдной тишине мёртвого леса каждый шаг был слышен. Она заметила бы преследователя.

Что же случилось?

Яся мягким комочком вспрыгнула на грудь и склонилась над ней. Тёмный силуэт зверька заслонил небо. Венена неловко протянула руку, пытаясь погладить верную спутницу. Багряные разводы окропили пальцы. Одноглазая мордочка хорька была перемазана кровью.

– Ты укусила меня? Но для чего?

Яся потёрлась о подбородок Венены, словно извиняясь. Влажная, густая прохлада растеклась по коже. Небо в обрамлении мохнатых ветвей затанцевало, крошась на острые осколки. Влага заполнила глаза, преломляя свет.

Венена знала, где Нери. Но не могла вернуть его Девочке.

Никто не мог его вернуть.

5

Банки и бутылочки разных форм и габаритов переливались гранями на деревянной полочке над раковиной. Тонкое стекло демонстрировало разноцветные отвары с кусочками листьев и семенами, взвешенными в прозрачной толще. Кусочки разлохмаченной ткани стягивали сосуды по горлышкам.

Приподнявшись в ванной на носочках, Миа читала надписи на этикетках. Но интересовал её отнюдь не химический состав местных зелий.

Высокая бутылочка с густым гелем изумрудного цвета и гранёной пробкой, отражающей переливы солнца, спряталась за стеной банок. «От нежелательных волос», – гласила тщательно выведенная надпись. Миа, усмехнувшись, раздвинула банки и протянула руку. Стекланные стенки с неодобрением звякнули, будто желая пресечь коварный замысел. Вывернутые до предела стопы пронзила стрела боли. Ещё чуть-чуть! Миа застонала от напряжения. Средний палец почти коснулся заветной склянки. И...

Внезапная боль сжала голень, выворачивая ногу. Миа слишком высоко приподнялась на носках, и мучительная судорога, зародившись в стопе, понеслась вверх. Под кожей словно натягивали раскалённые железные струны. Закряхтев, она попыталась выпрямить стопу и удержаться на одной ноге, но не тут-то было! Пятки упали на дно ванны, как каменные снаряды, выпущенные из пращи. Отвратительный лязг наполнил помещение, раздвигая стены. Новая волна боли прокатилась по икрам вверх: теперь кто-то играл на красных от жара струнах похоронный марш в рок-обработке.

Согнувшись пополам, Миа застонала. Плети волос больно хлестнули по спине. По обнажённой коже прошёлся мороз.

– Ну, я тебя, – Миа с досадой посмотрела на полку, пестрящую разноцветными склянками, и в очередной раз прокляла свой низкий рост.

Нет, Мии не нужна была эпиляция: тонкие и светлые волоски на её теле были совершенно незаметны. Она жаждала отмщения.

Окунув пострадавшую ногу в чан с тёплой водой и растерев мышцы, она, наконец, расправилась с судорогой. Неудачных экспериментов на сегодня хватало, но зов обиды был сильнее здравого смысла. В памяти по-прежнему стояла довольная ухмылка Кантаны, когда они с Нери вернулись домой, и мужской плащ на её плечах. То, что Нери не пожелал ничего объяснить и всячески уходил от темы, подтверждало самые страшные догадки.

Подойдя чуть поближе к краю ванны, Миа снова вытянулась и встала на носочки. Напряжённые мышцы заныли, умоляя о пощаде. Она раздвинула банки с рукотворным мылом и отварами для мягкости кожи. И кто только придумал ставить средства гигиены так высоко?!

Есть! Рука, наконец, коснулась заветной склянки. Миа поддела графинчик пальцем и придвинула его ближе к краю полки. Наконец-то! Теперь можно схватить бутылку за горлышко и снять её.

Но не успела она осуществить свой план, как ногу подкосила очередная судорога, стрельнув по икре мощным разрядом. Подскользнувшись на мокром дне, Миа едва не потеряла равновесие. Рука, сжимающая бутылочку с гелем против нежелательной растительности, пролетела по полочке, сбивая банки вниз. Балансируя на грани падения, Миа успела подумать о том, что драгоценное средство пригодилось бы толстой бородачке с Совета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.